

ЭЛИС АЙТ

ЛЕДИ

{НЕ} ПРОТИВ ДЕТЕКТИВА.
ЛЫХАНИЕ ФЭЙРИ

Элис Айт

**Леди (не) против
детектива. Дыхание фэйри**

«Автор»

2026

Айт Э.

Леди (не) против детектива. Дыхание фэйри / Э. Айт — «Автор»,
2026

Меня зовут леди Элизабет Мэлтон, и я лондонская волшебница Или уже нет? Муж потребовал развода, и я вынуждена с позором вернуться домой, в Шотландию. Но в день отъезда внезапно разыгрывается буран невиданной силы, в моем багаже оказывается странная книга с пустыми страницами, а на меня саму открывают охоту. Только один человек способен мне помочь – мой старый друг, частный детектив Джеймс Кларк. Но однажды он уже разбил мне сердце, и я не уверена, что это не произойдет вновь

© Айт Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Элизабет	7
Глава 2. Джеймс	15
Глава 3. Элизабет	21
Глава 4. Джеймс	25
Глава 5. Элизабет	29
Глава 6. Джеймс	34
Глава 7. Джеймс	38
Глава 8. Элизабет	40
Глава 9. Джеймс	49
Глава 10. Элизабет	51
Глава 11. Элизабет	56
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Элис Айт

Леди (не) против детектива. Дыхание фэйри

Пролог

1881 год, где-то в шотландской глубинке

В просторном зале старинного замка стояла тишина, нарушаемая лишь странным скрежетом. В дальнем углу напротив огромного зеркала стояла уродливая одноглазая старуха и царапала по серебристой поверхности длинным загнутым ногтем, выводя причудливые узоры.

От ее пальца в разные стороны разбегались дорожки инея. Совсем скоро вся поверхность зеркала покрылась ледяными цветами и листьями папоротника, которые будто служили продолжением орнамента всего зала. Колонны, словно вырезанные из цельных кусков льда, блестящие скользкие полы, прозрачные статуи в нишах – все дышало холодом.

Если бы сюда попал человек, он бы решил, что оказался во владениях сказочной королевы зимы.

И не ошибся бы. Но живых людей здесь не жаловали.

Старуха закончила заклятие и скрипучим голосом, напоминающим треск мороза, прошептала зеркалу:

– Покажи ее. Покажи мне Книгу Мерлина.

Зеркало ожило. Однако впервые за последние дни оно показало не темноту, а молодую женщину лет двадцати пяти, темноволосую, стройную и привлекательную. Она ехала в новомодной человеческой повозке. Как же та называлась?.. Старуха нахмурилась.

Точно, кэб.

Это было не то, чего она ожидала. Книга должна находиться у фэйри, причем здесь простая человечка?

Хозяйка замка задержала на миловидном женском личике взгляд. Кого-то оно напоминало, но кого?

– Я слишком много времени провела вдали от людей, – пробормотала она себе под нос. – Пора это исправить. Воин, подойди сюда!

Из самого темного угла зала к ней подступил высокий широкоплечий мужчина. Вокруг него клубилась тьма, а лица было не разглядеть под низко надвинутым капюшоном, но глаза горели красным, как разожженные угли.

– Выследи ее, – приказала старуха. – Книга Мерлина у этой женщины.

Он несколько долгих мгновений смотрел надвигающееся изображение в зеркале и кивнул.

– Я знаю ее. Задача будет легкой.

– Надеюсь, ты не зря бросаешься словами. Я уже несколько дней колдую над погодой, чтобы ты со своим отрядом мог спокойно передвигаться по всей Британии. Артефакт заberi, но саму девчонку не убивай. Нужно выяснить, как у нее оказалась вещь, за которой я охочусь уже больше тысячи лет.

Воин низко склонился.

– Да, ваше величество.

– Не упусти книгу, – прошипела старуха. – Твой предшественник потерял ее – и заплатил за это. А фэйри – смотри, где они. Не смеют перед людьми носа показать, хотя в прежние времена только одни наши имена заставляли их трястись! Кто сейчас скажет, кто такая Никневин? Зато все знают Титанию и Маб!

– Вас еще помнят, ваше величество, – хрипло ответил воин. – Я тому пример.

– Ты не человек. Уже не человек, – исправилась старуха и отвернулась обратно к зеркалу.

– Сгинь. Я жду книгу. Какими будут последствия провала, ты уже должен был понять.

Он поклонился и беззвучно исчез.

Никневин, воплощение зимы, когда-то одна из самых могущественных фэйри Британии, сцепила за спиной костлявые руки и внимательно наблюдала за едущей в кэбе молодой женщиной. Та была задумчива и настолько глубоко погружена в размышления, что не заметила, как окна экипажа непонятно отчего вдруг покрылись узорами инея.

Похоже, она не имела ни малейшего понятия, что везет с собой предмет, способный нарушить равновесие во всем королевстве, а то и во всем мире. Что ж, тем быстрее Книга Мерлина окажется у Никневин в руках...

Глава 1. Элизабет

18 января 1881 года, Лондон

– Скандальные новости! Лорд Мэлтон, член Королевского совета магов, развелся с женой! Читайте в свежем номере «Таймс»! Скандальные новости!..

Звонкий голос мальчишки-газетчика далеко разносился по улице, невзирая на снегопад, стук колес, ржание лошадей, тащивших кэбы, и гомон сновавших туда-сюда носильщиков.

При его словах сердце у меня ухнуло куда-то вниз.

Едва выйдя из экипажа, я кинулась к подростку, который продавал газеты, и попыталась выхватить у него из рук свежий номер, но мальчишка ловко увернулся.

– Сначала деньги, мэм!

– Сколько? – буркнула я, доставая кошелек.

Словно я какая-то воровка!

– Три пенса! Но если для вас дорого, могу предложить другие газеты всего за пенни! Что пожелаете: «Морнинг пост», «Дэйли телеграф»? – и он продемонстрировал весь набор, который держал в руках, ловко смахнув с него снежинки.

Пробежав глазами заголовки, я болезненно охнула.

Везде на первой странице красовалась фамилия моего мужа. Вернее, уже моего *бывшего* мужа.

– Давай все, – решила я и сунула обрадованному мальчишке деньги, даже не потрудившись их пересчитать.

В тот же миг, словно ребенок владел особой газетной магией, в моих руках оказалась подборка выпусков за сегодняшний день. И во всех громко сообщалось о моем позоре.

Проклятые газетчики! Судебные слушания проводились при закрытых дверях и закончились только вчера. Никто, кроме непосредственных участников, ни о чем не знал. Конечно, с учетом статуса моего супруга глупо было думать, что это положение дел сохранится навсегда, но я так надеялась сбежать из Лондона до того, как новость прогремит на каждом углу!

– Леди Мэлтон, – окликнул меня скрипучим голосом возчик. – Ваш багаж.

– Больше не леди, – со вздохом поправила я. – Просто «миссис Мэлтон».

Тот безразлично кивнул. Моя трагедия его не волновала.

Все дальнейшие действия я выполняла механически: расплатиться за экипаж, объяснить носильщику, куда доставить мои вещи, и самой скорее побежать через улицу, не растеряв при этом газеты.

Ждущий меня напротив вокзал Кинг-Кросс многим казался уродливым, однако я была счастлива скорее очутиться под его крышей. Две огромных кирпичных арки мощного фасада казались мне крыльями гигантской птицы, которая унесет меня из этого вечно грязного, насквозь провонявшего дымом города домой, к родителям, после пяти лет брака, закончившегося так глупо и постыдно.

Я вздохнула, в очередной раз прокручивая в памяти сцену, которая случилась около месяца назад.

Это произошло за утранным чаем. Мой муж, виконт Дуэйн Мэлтон, всегда пил его в собственном кабинете в гордом одиночестве. Он объяснял это тем, что слишком загружен делами, но в действительности большая их часть ложилась на меня, и я знала – это всего лишь прихоть Дуэйна. Одна из многих.

Поэтому я удивилась, когда меня оторвали от собственных дел и пригласили к супругу. Мы с ним вообще виделись крайне редко – только когда того требовали правила приличия. Что же ему могло понадобиться?

Мне резко стало не по себе, когда, войдя в кабинет, я увидела холодные глаза Дуэйна. Высокий, худой, уже седой и покрытый морщинами – он был старше меня на тридцать лет, одевающийся с иголки и кичащийся титулом, муж всегда казался мне напыщенным болваном.

Да, брак между нами заключался не по любви, а сугубо по расчету. Но произошло это по инициативе именно Дуэйна, и я представить не могла, что когда-нибудь услышу то, что услышала в то утро.

Тогда я впервые поняла, как глубоко ошибалась в человеке, с которым прожила пять лет.

«Мы разводимся», – сухо объявил муж.

В первый миг я, кажется, оцепенела, потеряв дар речи.

«Дорогой Дуэйн, ты же знаешь законы. Развод возможен только по одной причине – моей измены. Но я этого не делала и никогда ни за что не сделаю, и тебе прекрасно известно почему!»

«Не беспокойся, я не нарушу свое обещание поддерживать твою семью. Но если ты попытаешься оспорить обвинение или воспрепятствовать разводу, то, во-первых, я мгновенно достану доказательства твоего греха и представлю их суду, а во-вторых, твои родители не получат больше ни пенни».

«Доказательства? – в шоке переспросила я. – Какие могут быть доказательства того, чего не случилось?!»

Он лишь усмехнулся.

«Вот и увидишь».

На этом наш разговор закончился – Дуэйн попросту не желал больше со мной ничего обсуждать, сообщив, что все остальное мне передаст адвокат.

Процесс развода занял месяц – невероятно быстро, ведь работа суда прерывалась на рождественские каникулы. Все это время я жила в доме супруга, со мной обращались, как прежде, и он даже купил мне билет в вагоне первого класса, приличествующий аристократке.

Которой я больше не была.

Я так и не узнала причину того, почему Дуэйн потребовал развода. Это казалось нонсенсом. Ведь именно он приехал к моим родителям из Лондона аж в Шотландию семь лет назад и настоял на помолвке, а потом и на свадьбе.

Семейство Мэлтон со времен королевы Елизаветы занимало почетное место в Королевском совете магов как один родов-основателей. Но чтобы входить в этот совет, требовалось либо самому быть волшебником, либо жениться на волшебнице. Дуэйн же был первым за триста лет наследником рода, родившимся без малейшей искры дара. Впервые за всю историю Мэлтонам грозило вылететь из важнейшего в Великобритании органа управления и потерять свое влияние.

Я была идеальным вариантом для жены виконта: дочь сквайра из скромной, уважаемой семьи, юная и магически одаренная. Иначе говоря, не аристократка, но и не совсем простолюдинка, а мой талант пусть и мог считаться незаурядным, только и до уровня настоящих мастеров не дотягивал. Удобная, неопасная супруга, которая ни на что не сможет претендовать.

Первая жена Дуэйна походила в этом на меня, но она умерла от неизлечимой болезни. Новую пару он начал искать, еще когда она не испустила последнее дыхание. И в ту же минуту, когда закончился положенный срок траура, Дуэйн объявил обществу о том, что женится вновь – на мне. Лишь это позволило ему сохранить место в совете.

Все пять лет я строго соблюдала договор – щепетильно относилась к собственному моральному облику, не бросала тень ни на свою репутацию, ни на репутацию мужа, присут-

ствовала на всех необходимых заседаниях совета и безукоризненно выполняла магические обязанности, возлагаемые на род Мэлтон.

И вдруг – развод, да еще на таких позорных для меня условиях.

Я не понимала ничего, категорически. Я бы еще приняла, если бы Дуэйн на старости лет страстно влюбился в кого-нибудь, однако он не выказывал ни малейшего намерения заменить меня новой женой.

У Дуэйна хватало недостатков, однако импульсивность или чрезмерная глупость не входили в их число. Что ударило ему в голову? Ради чего рисковать местом в совете, который в определенные периоды нашей истории фактически управлял страной?

За что, в конце концов, я получила ужасное клеймо изменницы на всю жизнь?

Ответа не было.

Опять провалившись в печальные размышления, я чуть не налетела на какого-то молодого человека, который прямо на ходу зачитался книгой. Я извинилась первой и тут же юркнула дальше, пока он не успел всмотреться в мое лицо.

Мало ли он с утра уже прочитал газеты...

Потеряв его из виду, я наконец огляделась и остановилась.

Сама того не заметив, я дошла до нужного места. Спутать бы не получилось – на Кинг-Кроссе была всего одна платформа, и отправлялся с нее сейчас всего один поезд.

Я закрыла глаза и глубоко вдохнула воздух, который сегодня был на редкость морозным.

Из Эдинбурга придется еще доехать до родного городка, но уже завтра я буду дома, вдалеке от светских скандалов и забот. Сяду в нашей библиотеке, подогну под себя ноги и буду читать книги с чашкой чая, как в детстве. Может, даже насорю на полу крошками печенья, которое к моему приезду обязательно испечет мама, и папа отругает меня за неаккуратность. И это будет так мирно, так привычно, словно я никогда не выходила замуж...

– Бет?

Услышав собственное имя, я распахнула веки.

Никто не называл меня так уже... ну да, те самые пять лет, проведенные в Лондоне. Здесь я была леди Элизабет Мэлтон, а не Бет Эйно́р, дочкой простого сквайра.

Нет, невозможно, чтобы это звали меня. Все, кто мог так сделать, остались в Шотландии или вообще уехали за океан. Поэтому я не обернулась на звук, а скучающим взглядом прошлась по темно-оливковым вагонам поезда, присыпанным сверху снегом.

Кондукторы пока не появились и не открыли двери купе. Я так стремилась скорее покинуть дом опостылевшего мужа, что приехала слишком рано. Что ж, придется постоять на холоде. Неприятно, но сама виновата.

– Бет? – вновь раздался совсем рядом мужской голос. Через мгновение он повторил, теперь с радостной интонацией: – Бет Эйно́р, это правда ты!

Я вздрогнула и наконец повернулась. Немногие пассажиры экспресса до Эдинбурга приехали так же рано, поэтому взгляд без труда выхватил подходящего ко мне молодого мужчину немногим старше меня, лет двадцати пяти – тридцати. Непривычная для англичанина одежда делала его похожим на американского ковбоя из газетных иллюстраций.

Но это красивое благородное лицо с выразительными темными бровями и каштановыми волосами, чьи прядки всегда так непослушно падали на лоб...

– Джеймс? – неверяще спросила я.

Вместо ответа он рассмеялся тем самым привычным смехом, звонким и заразительным, по которому я страшно скучала в Лондоне.

Да, это был он. Мой лучший друг детства – Джеймс Кларк. Семь лет назад он уехал за океан, в Америку, в надежде найти лучшую жизнь.

И вот он стоял передо мной вытянувшийся, возмужавший. Это был уже совсем не тот юноша, которого я помнила, а зрелый мужчина с твердой, уверенной походкой и грацией

бойца. Цепкий, прищуренный взгляд намекал, что его обладатель поучаствовал не в одной передраке и вышел из них победителем, а щетина на подбородке придавала образу легкий флер дикости и бунта.

Мне ужасно захотелось кинуться ему на шею и крепко обнять. Прошло целых семь лет! Я уже шагнула к нему, но...

...остановилась в последний момент.

Мы на вокзале, полном людей. Я давно не маленькая девочка, а разведенная женщина, которую обвинили в измене. Эта новость сегодня появилась во всех газетах. А чем Джеймс занимался все это время, я не имела ни малейшего представления.

Сдержанность эмоций будет самым осмотрительным вариантом в моем положении. Да и для него так лучше.

– Я уж думал, ты меня не вспомнишь, – сказал он, как будто бы слегка жуя.

Я приподняла бровь.

– Ты сильно изменился, но не узнать тебя невозможно. Какими судьбами в Лондоне? За семь лет от тебя из Америки не пришло ни весточки. Я считала, что ты там остался навсегда. Джеймс покачал головой.

– Вообще-то я уже год как вернулся в Англию и даже заезжал к твоим родителям. Мне сказали, что твой муж очень ревнив. Прости, Бет. Я не хотел создавать проблемы старой доброй подруге и надеялся, что отец сам расскажет тебе обо мне, но...

Он развел руками. Я лишь вздохнула.

Но отец решил, что мне ни о чем знать не стоит, поскольку брак с Мэлтоном слишком нужен нашей семье, а Дуэйн визит друга детства может истолковать неправильно.

– Как видишь, это не помогло, – мрачно подытожила я и всмотрелась в его лицо. – Ты ведь уже читал утренние газеты?

Джеймс отвел глаза.

Ну конечно, кто же в Лондоне не читает утренних газет?

На несколько мгновений между нами возникла неловкая пауза. Я подышала на руки в перчатках, жалея, что из-за вороха газет неудобно прятать их в бесцельно висящую на плече меховую муфту.

Все же странная погода в нынешнем январе. А сегодня – особенно. Снегопад начался затемно и все продолжался, продолжался... Кажется, только за одно это утро его выпало столько, сколько за всю зиму в Лондоне.

Наверное, в обычной ситуации я бы даже не вышла из дома в подобный день, предпочтя провести его за работой в кабинете или за книгой. Но задержаться в доме Дуэйна еще хотя бы на сутки было выше моих сил.

– И как там, в Америке? – первой нарушила я затянувшееся молчание.

– В двух словах не расскажешь, – тут же откликнулся Джеймс, словно обрадовался смене темы. – Кое-что – в точности как у нас, кое-что – кардинальное другое.

– Например, нет магии? – приподняла я уголки губ.

Это было давним предметом наших детских споров. Я родилась с даром, Джеймс – нет, и по его яростным заверениям, что волшебство людям не нужно, создавалось ясное впечатление обиды на весь мир из-за собственного колдовского бессилия.

Я не знала, почему он уехал в Новый Свет. В какой-то момент Джеймс просто исчез, даже не попрощавшись. Если друг выбрал Америку именно из-за отсутствия магии, то стал далеко не первым в своем роде. Многие бежали туда, чтобы построить жизнь там, где магия не довлеет над людьми.

Наверное, я бы поняла его... Если бы его внезапный уход семь лет не разбил мне сердце. Мне тогда уже исполнилось восемнадцать, и я наивно верила, что между нами возможно нечто

большее, чем детская дружба. Но похоже, что он никогда и не видел во мне никого, кроме ребенка.

– Вообще-то она там есть, – серьезно ответил Джеймс. – Жалкие крохи по сравнению с Британией, но я не знаю, как иначе объяснить некоторые вещи, которые там видел.

– А чем ты занимался? – с интересом уточнила я.

Он пожал широкими плечами, словно его профессия была очевидна, но ответил уклончиво:

– Законником, разумеется. Из тех, которым не сидится на месте.

– И... что это значит? – не смогла удержаться я. В груди разгоралось любопытство. – Ты был охотником за головами? Шерифом, который защищает мелкий городок от бандитов и индейцев?

Джеймс рассмеялся. И мне на миг показалось, что не было никаких семи лет разлуки, а передо мной все тот же темпераментный и озорной юноша, с которым невозможно соскучиться.

– Боже, ты неисправима, Бет. Еще скажи, что я сам скакал на лошади полуголый, размахивая томагавком в руке.

– А что, такое бывало? – тут же всерьез уточнила я.

Его грудь продолжала сотрясаться от смеха.

– Ну разумеется, чем же еще я мог заниматься в Америке, да? На деле все гораздо проще. Сначала я попытал счастья в полиции, но потом ушел оттуда и стал частным детективом.

– О, то есть все-таки охотником за головами?

Он сверкнул белыми зубами.

– Если хочешь называть это так – пожалуйста, пусть будет охотник за головами. И на всякий случай – нет, полуголый я на лошадь никогда не садился и томагавки не метал.

– Уговорил, – разулыбалась я, чувствуя, как между нами тает лед. Учитывая усиливающуюся метель – почти буквально. – А почему вернулся в Лондон?

– Захотелось быть ближе к родине, – опять туманно изъяснился Джеймс.

Я успела заметить, как в его глазах промелькнуло тяжелое чувство.

Значит, причина серьезная, но он пока не хочет со мной этим делиться. Что ж, все-таки семь лет – огромный срок. Он прав, люди могут за него сильно измениться.

Я изменилась.

– В Эдинбург по делам? – кивнула я на застывшего перед нами колосса – тихо укрываемый белоснежным покрывалом поезд. – Или моих родителей повидать?

– Первое, – друг резко посерьезнел. – Вернувшись сюда, я не оставил карьеру частного детектива. Обычно работаю в Лондоне или окрестностях, но несколько дней назад меня нашел странный джентльмен. Он предложил некое сложное и запутанное дело, которое, по его заверениям, меня прославит.

– Звучит соблазнительно, – оценила я. – Можно ли мне узнать подробности или пока это секрет?

– В том-то и дело, – задумчиво ответил Джеймс. – Я их сам еще не знаю. Джентльмен заплатил авансом весьма приличную сумму и пообещал заплатить еще больше, а также рассказать все детали, если я приеду в Эдинбург и найду его по указанному адресу.

– Хм. И ты не боишься, что это может оказаться обман и ты ничего там не обнаружишь? Или, например, что это засада? – оживилась я.

– Нет, Бет, ты действительно та же самая, – усмехнулся он. – Только и рада выдумать какое-нибудь опасное приключение.

Я лишь улыбнулась в ответ.

– Не беспокойся, – продолжал друг, кажется, ничего не заметив. – Аванс покрывает все расходы на поездку. Никто бы не стал тратить столько денег, чтобы подсунуть шелуху от лука.

Кроме того, мне даже оплатили билет на поезд. Других дел у меня в данный момент нет, так что я ничего не потеряю, если поеду и проверю. Ну а если работа меня не устроит, ничто не мешает отказаться и поехать домой. По крайней мере, отдавая аванс, джентльмен меня в этом заверил.

– Ну, тогда, пожалуй, тебе действительно нечего терять, – покорно согласилась я.

– А тебе что-то об этом известно? – неожиданно спросил Джеймс.

– Мне? – искренне удивилась я. – При чем здесь могу быть я?

Он неопределенно повел плечами, однако пристального взгляда с меня не спускал.

– Мы с тобой были друзьями, Бет. Вернувшись в Лондон, я не скрывался и за год успел сделать себе кое-какое имя как частный детектив. Обо мне даже в «Таймс» писали. И вдруг ты разводишься, а кто-то предлагает мне сесть на тот же поезд...

Не выдержав, я рассмеялась. Но уже не тепло, как раньше – как смеялась бы Бет Эйноу, а холодно, так, как смеялась бы леди Мэлтон, уважаемая супруга члена Королевского совета магов, услышав несусветную глупость.

– Прости, Джеймс, но если ты так же раскрываешь дела, как «секрет» этой встречи, то у меня для тебя плохие новости. В этом поезде я оказалась только потому, что мой муж по неизвестной причине решил от меня срочно избавиться и сам купил мне билет. Я никогда не видела упоминания о тебе в «Таймс». У меня элементарно не хватало времени читать газеты, потому что именно на меня переходили все обязанности, возлагаемые на членов магического совета, при том что я в него даже официально не входила, а мой муж получал все привилегии. А если бы я знала, что ты в Лондоне и хотела с тобой встретиться, то не стала бы изобретать настолько сложные способы. Я обвинена мужем в измене, Джеймс, и суд с ним согласился. Я падшая, опозоренная женщина. Что мне терять?

– Да много чего, – совершенно спокойно ответил он. – У тебя есть семья, молодость, красота, твой магический талант. Люди на Диком Западе счастливы, если имеют хотя бы что-то одно из этого.

– Но мы не на Диком Западе, – напомнила я. – Здесь другая страна и другие правила.

– Да, – уголки губ Джеймса приподнялись, но улыбка казалась скорее печальной. – Все время забываю об этом.

Он уже собрался отвернуться, чтобы прекратить разговор, но вдруг спохватился и пораженно уставился на меня.

– Подожди. Ты сказала, что не знаешь, почему муж от тебя избавился? То есть ты невиновна?

Я закатила глаза.

– Ты только что назвал меня своей старой доброй подругой. И в то же время веришь, что я могла изменять мужу?

– Ну, – растерянно произнес Джеймс, – это же был договорной брак...

– Да, – тихо подтвердила я, глядя ему прямо в светло-карие глаза. – Брак, который спас мою семью от нищеты. Тебе прекрасно известно, что случилось с моим братом. Дуэйн поддерживает мою семью и не дает ей потерять дом и ферму. Собственно, мое согласие с ложными обвинениями было одним из его условий. Только потеряв свою честь и навсегда запятнав репутацию в глазах общества, я могла сохранить покой родителей. Они и так натерпелись в жизни. Если ты правда бывал у них недавно, то должен меня понять.

Он не выдержал, отвел взгляд. Ну разумеется.

Наверное, потому я и не искала его все эти годы. Джеймс вырос с нами, из отцовского ученика он стал полноправным членом семьи. И бросил ее ради воплощения собственной мечты.

Я уже почти жалела, что встретила его сегодня. Он лишь всколыхнул множество неприятных воспоминаний, хотя казалось бы – что может быть лучше, чем вновь обрести доброго друга детства, с которым море всегда было по колено и пережито столько веселых приключений?

Люди на платформе прибывали. Где-то вдалеке раздался пронзительный звук свистка. Стоявшие ближе всего к поезду пассажиры волной колыхнулись назад – обслуга поезда в оливковых ливреях, в цвет вагонов, спешила к своим местам. Еще минута-другая – и можно будет занимать купе.

Носильщик, который все это время терпеливо ждал в отдалении с моими вещами, сразу же их подхватил. Я повернулась к Джеймсу, чтобы извиниться, но он успел первым:

– Прости, Бет. Конечно, я понимаю, тебе не за что сейчас испытывать ко мне светлые чувства, особенно если отец тебе ничего не говорил о моих визитах. Но раз уж мы встретились, по-моему, это отличный шанс познакомиться заново. В каком ты вагоне?

– Первый класс, только для леди, – указала я на ближайший вагон. Помедлила и все же спросила: – А ты?

Друг сник.

– Второй класс. Вон там.

Его места находились далеко от моих. Во время движения перемещаться между вагонами было невозможно, однако Джеймс, похоже, не собирался так легко сдаваться:

– Тогда как насчет вместе пообедать? Скажем, на длинной остановке в Йорке?

Я бросила взгляд на поезд. Вообще-то мне не хотелось выходить и лишний раз показываться публике. До Эдинбурга ехать десять часов – долгий срок, но я предусмотрительно собрала с собой корзинку с сэндвичами и другим перекусом, заранее побеспокоившись о том, чтобы не оголодать.

С другой стороны, пока я не замечала, чтобы на меня кто-то косился, хотя на платформе стало тесновато. Да и сидеть столько времени попросту тяжело. Телу понадобится хоть какая-то разминка. Если пониже натянуть шляпку да поправить вуаль...

– Хорошо, – решила я. – В Йорке – так в Йорке. Но... Джеймс, ты же пытаешься сделать карьеру в Лондоне, если судить по твоим словам. Ты осознаешь, что общение со мной способно тебе навредить?

– Сильнее, чем мое американское прошлое, мне ничто не навредит, – фыркнул он.

Да, американцев здесь не любили, считали их вульгарными и кичащимися собственной невоспитанностью. Впрочем, в этом отчасти была их собственная вина. Они слишком упорно тыкали нам в то, что построили свою страну без магии, в то время как Британии без нее не существовало бы.

Как волшебница, я знала, что это неправда. Однако попытаться объяснить это американцу было, наверное, сродни попытке доказать всем вокруг, что я честная женщина, то есть настолько же тщетно.

Джеймс же, родившийся англичанином, сейчас выглядел чересчур по-американски: короткое пальто, распахнутое с полным презрением к зимнему холоду, на иностранный манер повязанный шейный платок, высокие сапоги, которые напоминали армейские. А уж эта щетина на подбородке просто возмутительна, хотя и сразу мне понравилась. Английский джентльмен такого в своем облике не допустил бы.

– Договорились, – кивнула я.

– Я подойду к твоему купе, чтобы тебя встретить, – пообещал друг. – Никуда без меня не уходи.

– А то что, фэйри украдут? – не удержалась от подколки я.

Семь лет назад между нами мгновенно разгорелась бы перепалка на тему фэйри. Я, конечно же, верила, что они остались где-то на Британских островах. Джеймс поддерживал версию, что фэйри давным-давно все до последнего ушли в свой рай – Тир-на-Ног, волшебную страну вечной юности.

Американцы говорили, что Британия без магии – ничто. Но если бы это было так, если бы мы действительно полагались только на магию вместо технического прогресса, то волшеб-

ный народ, ненавидящий железо и многие другие побочные «продукты» научного развития, не покинул бы нас.

Они сделали это еще несколько веков назад. Последние из фэйри отправили своих послов к королеве Елизавете и пригрозили, что если в стране не остановится производство железа, то фэйри уйдут, а рано или поздно без них иссякнет и магия. Гордая королева, разумеется, отказала им.

В Англии началась эпоха людей. И только людей.

Джеймс, вопреки моим ожиданиям, всего лишь пожал плечами.

– Нет, конечно. Но так безопаснее.

Что ж, похоже, он тоже изменился сильнее, чем мне сначала показалось.

Толпа вокруг быстро редела. Мы так умудримся на поезд опоздать, стоя прямо рядом с ним.

Я поправила шляпку и вежливо улыбнулась другу.

– До встречи в Йорке.

Он отвесил шуточный поклон и, напоследок еще раз сверкнув зубами в ослепительной улыбке, ушел.

Я же направилась к своему купе. Ужасно хотелось обернуться и посмотреть другу вслед, но я не стала этого делать.

Джеймс может считать, что я все та же озорная девчонка, вечно подбивающая его на приключения, однако он заблуждается. Бет Эйно́р давно не существует.

Есть лишь Элизабет Мэлтон, и это совсем другой человек.

Глава 2. Джеймс

Я с огромным трудом удержался от того, чтобы не оглянуться и не проверить, все ли в порядке с Бет и села ли она в купе. Поймав себя на этих мыслях, я раздраженно потряс головой.

Ну что за глупости, Джеймс!

Да, я присматривал за ней все детство. Папаша отдал меня в ученики к ее отцу-судье, чтобы я научился хоть чему-то, а не валялся, как он сам, в канаве возле паба. Я даже уехал с ними из Кембриджа в Шотландию, когда семья Эйнора разорилась, продала собственное поместье и купила дом в городке рядом с Эдинбургом.

Предполагалось, что я буду постигать юридические премудрости, но, пожалуй, родители Бет считали меня больше слугой, чем учеником. Ее отец все время был занят, мать вечно ничего не успевала, старший брат вообще на всех плевать хотел, а не только на сестру. Если она что-то выкидывала, а это случалось частенько, то спрашивали в первую очередь с меня – почему недоглядел.

У меня просто не оставалось выбора, кроме как сопровождать ее во всех приключениях. Ей постоянно что-то стучало в голову – то раскопать соседний холм, потому что под ним может оказаться вход в страну фэйри, то просидеть сутки в камышах, чтобы подстеречь несуществующего в природе келпи¹.

Но в глубине души мне и самому это нравилось. Бет, наверное, даже валун заразила бы своей мечтательностью и энергичностью.

Все было в порядке, пока мы оставались детьми. Кажется, мы оба поверили, что так будет всегда, даже несмотря на то что Бет выросла в очаровательную восемнадцатилетнюю девушку, а мне исполнилось двадцать и, без ложной скромности, на меня заглядывалась половина девушек в округе.

Мне было все равно. Я уже знал, с кем свяжу жизнь.

А потом появился Дуэйн Мэлтон. И едва я заикнулся отцу Бет о том, что этот напыщенный индеек ей не пара, как сквайр Эйнор выставил меня из дома, который я привык считать родным. Мне сообщили, что благо Бет не мое дело. Более того, пригрозили, что если я еще хоть раз появлюсь на пороге или попробую сбить девчонку с толку, то со мной будет и что похуже. А Бет мне все равно не видать как собственных ушей.

После этого я не мог оставаться в Эдинбурге. Физически не мог. Поэтому бросил учебу в университете и уехал так далеко, как это было возможно, – в Америку.

Прошло семь лет. И гляньте-ка, с Бет за это время абсолютно ничего не случилось. Даже наоборот, она похорошела, ее формы стали еще более женственными, в движениях появилась грация леди, которая знает себе цену.

Чертов старый сквайр был прав – моя забота ей не нужна. И без меня Бет как-нибудь справится с такой простой задачей, как сесть в поезд.

А мне нужно думать о делах. Вернее, конкретно о том деле, которое меня сюда привело.

При виде Бет, которую никак не ожидал здесь встретить, я действительно допустил на миг безумную идею, что это она хитростью заманила меня на вокзал Кинг-Кросс. В конце концов, Бет стала свободной женщиной, я же свободный мужчина. Нам больше ничто не мешает поддерживать дружеские отношения. Может, не совсем как в детстве – пожалуй, от сидения сутки в камышах я теперь откажусь. Но, черт побери, мы же с Бет выросли вместе! Найдется и о чем поговорить, и о чем вспомнить.

¹ Один из видов фэйри, водный дух, который принимает облик купающейся лошади и заманивает путников в трясины.

Однако после короткого общения с ней на платформе я четко осознал: она понятия не имела о моем возвращении в Лондон. И это не жеманное притворство.

Я намеренно солгал, чтобы проверить ее реакцию. Встреча с заказчиком предполагалась не в Эдинбурге, а прямо в поезде. Раз Бет ни при чем, значит, пора поспешить в собственное купе. Если меня собираются нанять на сложное, запутанное дело, то обсудить его в купе с глазу на глаз в течение долгой поездки до Шотландии удобнее всего.

Единственной смущавшей меня деталью было то, что в билете указывался вагон второго класса. Это тебе не третий, безо всяких купе, с длинным проходом и деревянными лавками по бокам, куда набивается толпа и где люди сидят друг у друга буквально на головах. Но вряд ли нам с заказчиком так повезет, что в купе второго класса, рассчитанном на восьмерых человек, мы окажемся только вдвоем.

И я оказался прав. Когда кондуктор, проверив билет, впустил меня в купе, там уже сидели двое мужчин, и ни один не походил на джентльмена, который на днях подстерег меня на улице и предложил дело.

Первый – рослый и широкоплечий, но мечтательный на вид юноша лет около двадцати, уткнувший нос в книгу. На корешке значилось: Эдгар Аллан По.

Нет, этот моим клиентом не мог быть никак.

Второй, тучный и суетливый, с красным лицом, больше напоминал торговца. Судя по тому, как он бормотал себе под нос, что зря переплатил за ледяные и жесткие кожаные сиденья, когда мог поехать в дешевом третьем классе, этот человек скорее удавился бы, чем заплатил аванс частному детективу.

Я убрал свою сумку под сиденье и просто стал ждать. Через несколько минут пришел четвертый пассажир, и снова не тот, кто был мне нужен.

Время стремительно заканчивалось. Я достал из кармана часы на цепочке, купленные еще в Америке. Те показывали всего минуту до отправки. Если кто-то не вбежит в последние секунды...

– Простите, это вы мистер Кларк? – неожиданно спросил юноша, оторвавшись от книги.

– Да. Извините, не припоминаю вас, – медленно произнес я, окидывая его более внимательным взглядом.

Все же ему чуть больше двадцати – может, года двадцать два, хотя интеллигентные усы могли прибавить пару лет. Телосложение крепкое, широкая грудь и сильные руки. На ладонях нет мозолей, одет чисто и прилично, но не слишком богато. Книга в руке потертая, скорее всего, у кого-то одолженная, а не купленная в личное пользование.

Этот человек явно не чурался физического труда, но это было не то, чем он зарабатывал на жизнь. Если учесть возраст, жанр книги и одежду, я бы предположил, что передо мной студент, вынужденный подрабатывать в свободное от лекций время.

Возможно, парень даже учился в Эдинбургском университете, тот самый, который так и не довелось окончить мне.

– Меня зовут Артур. Артур Конан Дойл, если быть точным, но мы не встречались, – сразу заверил тот. – На платформе меня остановил некий джентльмен. Откуда-то он знал, что я еду в этом купе, и попросил передать вам письмо. Он достаточно точно вас описал, но я боялся ошибиться, поэтому ждал до последнего, простите.

И он протянул мне конверт, подписанный знакомым каллиграфическим почерком, таким аккуратным, что его легко было спутать с женским. Именно так был подписан и конверт, в котором мне передали аванс, дальнейшие указания и билет на поезд.

Я нахмурился. Клиент темнил, и мне это не нравилось. Я сразу предупредил: нарушать закон, лишь бы заказчик остался доволен, не стану, и меня заверили, что этого не понадобится. Но к чему тогда столько сложностей? Для честной работы столько уловок не требуется.

Раздался гудок. Кондуктор закрыл купе, и поезд, шумно дохнув в окна густым облаком пара, медленно тронулся вдоль платформы.

Новый знакомый истолковал мое выражение лица по-своему.

– Это, наверное, был ваш друг, который должен был поехать с вами, но передумал в последний момент? – предположил Артур. Вид у него сделался виноватым. – Еще раз нижайше прошу прощения, мистер Кларк. Моя излишняя осторожность привела к тому, что вы теперь не можете сойти с поезда и последовать за вашим товарищем.

– Не волнуйтесь, – успокоил я. – Мне всего лишь досадно, что товарищ не передал мне письмо лично. Покидать поезд я и не собирался.

Не после того как встретил Бет.

Молодой человек, еще раз пробормотав извинения, вернулся к чтению книги, а я раскрыл письмо. И чем дальше я его читал, тем меньше мне нравилось происходящее.

Загадочный клиент писал, что с удовольствием присоединился бы ко мне в поездке, но у него внезапно образовались срочные и безотлагательные дела. Да, конечно, настолько срочные, что никак нельзя было подойти ко мне, хотя я прибыл на вокзал аж за час до отправки, и вместо этого понадобилось искать кого-то другого пассажира из того же купе.

К слову, как клиент выяснил, кто именно окажется моим соседом? Артур не выглядел подозрительным. Студент как студент, я сам таким был семь лет назад. Вряд ли он мог быть в сговоре с нанявшим меня мужчиной.

Проклятье, да я и имени-то его до сих пор не знал! Он подписывался инициалами «К. М.», но это ни о чем не говорило. Сам клиент сказал, что это не важно и что все раскроется позже, поэтому я не стал задавать лишних вопросов.

Дела мои, прямо скажем, шли в Лондоне не шикарно. Привередничать в принципе не хотелось, тем более когда на кону стояла крупная сумма.

Но, дочитав письмо до конца, я ясно понял, что браться за это гиблое задание не стану, пусть хоть за него пообещают алмаз из британской короны.

Клиент хотел, чтобы я нашел *книгу*. Самую обычную на вид, в коричневом переплете и с такими отличительными чертами, как отсутствие надписей на обложке и пустые страницы. Она должна была находиться где-то на поезде, но где точно, клиент не имел ни малейшего представления. Ведь книгу у него украли, а кто – он не видел.

Боже, этот человек в своем уме? Я чуть не хлопнул себя по лбу. Поезд до Эдинбурга ходит нечасто, зато в нем много вагонов. Сколько пассажиров сейчас здесь едет – пятьсот, шестьсот? Ну ладно, из-за морозов и неожиданно разыгравшейся метели многие отложили поездку, ведь вагоны второго и третьего класса не отапливаются, если только не повезет ехать рядом с магом. Но тот и не поедет в таких условиях – волшебники в Англии наперечет, и платят им всем отлично.

Ладно, допустим, с учетом тех, кто испугался погоды и остался дома, пассажиров около трехсот. И как я должен проверить за десять часов пути багаж трехсот человек, в одиночку, не имея на это официального разрешения?

И ради чего – ради книги с пустыми страницами?

Мне хотелось скомкать послание и выкинуть в окно. Но, во-первых, открыть окно значило впустить морозный воздух и без того холодное помещение, а во-вторых, мое воспитание, пусть и изрядно подпорченное в Соединенных Штатах, не позволяло мусорить.

Поэтому я аккуратно сложил письмо, спрятал во внутренний карман, откинулся на спинку жесткого диванчика и приготовился дремать до следующей остановки в Питерборо, которая будет примерно через час-полтора.

Однако заснуть никак не удавалось. Суетливый торговец постоянно ерзал и что-то бурчал, другой господин, вбежавший под конец, шмыгал носом и кашлял. Один Артур вел себя тихо, увлеченно шелестя страницами книги.

Вдобавок меня одолевали мрачные мысли.

Когда подвернулось это дельце, я обрадовался. Да, что уж греха таить, в первую очередь из-за обещанных денег. Собственный отец-пьяница ничего не оставил мне в наследство, сквайр Эйно́р, услышав, что я прошу руки его дочери, вышвырнул из дома без гроша. В Америке я тоже ничего не успел нажить, тем более что мой отъезд оттуда оказался вынужденным и поспешным.

Бет, наверное, подумала, что я выбрал Лондон потому, что там она. Но хотя память о ней была мне дорога, все же я остался в английской столице не поэтому.

У меня не было ни связей, ни богатства, чтобы получить хлебную должность. Работа законником в Америке этому не помогала – там мне больше приходилось орудовать револьвером, чем пером. Куда идти с таким «послужным списком»? В лондонской полиции только посмеялись, сказав, что у меня слишком американская манера ведения дел, а тратить время на мое переобучение они не намерены. Лишь один знакомый судья согласился взять меня на самую низшую должность, которая предполагала ношение бумажек туда-сюда.

Возможно, во мне разыгралась гордость. Но я не для того в Штатах учился стрелять, анализировать малейшие детали и, черт побери, даже делать вскрытия, чтобы в Англии аккуратно складывать листы на столе какого-нибудь чопорного лорда, который труп и за милю не видел.

Казалось, что выход всего один – стать частным детективом. Открыть свое агентство в Лондоне мог вообще любой, для этого требовалось лишь желание, а работы в столице хватало для всех.

И я это сделал. Но не учел кое-что, о чем в Америке и думать не приходилось, – магию.

Все, кто родился с искрой дара, недостаточной для поступления на государственную службу, или ушел с нее по каким-то причинам, рвались в детективы. Лозоходцы без труда отыскивали любой предмет. Спиритуалисты напрямую спрашивали у мертвеца, кто его убил. Менталисты вообще могли предотвратить преступление еще до того, как оно свершится, просто прочитав в уме злодея его намерения.

От полного разорения меня спасало только то, что волшебники редки и на всех их не хватит, а еще их услуги зачастую слишком дороги. Но даже с учетом этого меня чаще нанимали в охрану, чем для какого-нибудь расследования, а моим последним делом и вовсе было найти сбежавшего пуделя пожилой дамы.

К слову, побег за собачонкой принес мне больше звонких монет, чем любое другое дело за последние полгода.

Мне хватало на еду и съем комнаты в скромном районе Лондона, но если молодой и крепкий мужчина двадцати семи лет готов этим удовольствоваться, то с ним, по моему твердому мнению, что-то не так.

На этой мысли я вздохнул, достал из кармана письмо и перечитал его еще раз, повнимательнее.

Можно хотя бы попытаться, черт побери.

Итак, клиент сообщал, что кража была совершена в его поместье на острове Англси, в Уэльсе, среди ночи. Хозяева отсутствовали дома, поскольку уехали на празднество к родственникам, и вернулись только через три дня. И произошло это... на Самайн.

Я невольно остановился на этом слове. Канун Дня всех святых, который отмечался первого ноября, Самайном называли лишь некоторые маги, придерживающиеся древних традиций друидов. Наверное, если бы не Бет, которая всю жизнь восторгалась волшебным народцем фэйри, да и сама была магом, я бы это слово и не знал.

Значит, клиент связан с магией.

Дальше он писал, что кто-то грубо ворвался в дом и даже не попытался скрыть следы взлома. Грабители рассчитывали найти что-нибудь ценное, но их ждало разочарование. Разозлившись, они принялись все крушить и забрали с собой несколько мелочей, за которые полу-

чилось бы выручить хоть несколько пенни. И среди этих вещей – указанную книгу с пустыми страницами. Вероятно, польстились на искусно выполненный тонкий кожаный переплет.

Автор письма тут же объяснял, почему эта безделушка ему важна настолько, что он нанял детектива. Дескать, она досталась ему от прадеда, а память о нем ценнее, чем любые деньги.

Я опять отвлекся от чтения и призадумался.

Клиент лгал. Он состоятельный человек – бедняк не станет платить аванс и не будет покупать детективу билет на поезд, а возложит все расходы на него самого. Кроме того, я видел этого мужчину. Он был одет и вел себя, словно потомственный аристократ, причем все время так старательно отворачивался, как будто не хотел, чтобы его запомнили. Вряд ли из его дома действительно не украли других ценностей – он всего лишь не желал о них упоминать.

Однако искал клиент только книгу с пустыми страницами. Совершеннейшая бессмыслица на первый взгляд – если бы не слово «Самайн».

Все вставало на свои места.

Загадочный К. М. был магом, а книга – волшебным артефактом.

Мысленно выругавшись, я потерял веки. Моя импульсивность уже подводила меня в прошлом и чуть не подвела опять. Маги встречались редко, а артефакты – еще реже, и если я не ошибся в предположениях, то на самом деле книга стоит намного, *намного* больше того, что мне пообещали. А не сказал прямо обо всем клиент по простой причине – отыскав артефакт, я мог бы прибрать его себе и соврать, что ничего не нашел.

Поступив так, я стал бы далеко не первым частным детективом, обманувшим собственного нанимателя. Но, выбрав меня, джентльмен не ошибся. Я предпочитал играть честно.

Оставалась всего одна проблема – я не маг. Возможно, артефакт удалось бы найти с помощью волшебства, но поскольку никакими колдовскими силами я не обладал, то это приводило к тому же, из-за чего мне изначально захотелось порвать бумагу и вышвырнуть в окно.

Багаж каждого из нескольких сотен пассажиров мне по-прежнему придется осматривать вручную.

Если только не попросить Бет о помощи.

Я всего на миг опустил веки, а под ними сразу нарисовался ее изящный профиль со слегка вздернутым носиком под вуалью. А вот Бет мне улыбается, ее щеки розовеют...

Резкий толчок поезда вырвал меня из фантазий. Я легко удержался на сиденье и ничего не уронил, но соседям повезло меньше. Толстяк уронил свой сэндвич и принялся тихо ругаться, а у опоздавшего джентльмена с колен соскользнула газета и присоединилась к сэндвичу в луже растаявшего снега на полу. Артур, который тоже вздрогнул, хотя и сумел удержать томик Эдгара По, растерянно выглянул в окно.

– Стоим, – сообщил он очевидное.

– Разве уже остановка в Питерборо? – удивился опоздавший джентльмен.

– Нет, еще слишком рано, – ответил я.

Даже не понадобилось сверяться с карманными часами. Мы едва выехали из Лондона, и за окнами простиралось заснеженное поле. Метель усилилась, и понять, где мы в точности, было невозможно, но я мог бы руку на отсечение дать, что до Питерборо еще ехать и ехать.

– Надо открыть окно, – предложил Артур. – Узнаем, что случилось.

– Сидите, мистер, на месте спокойно и не выхолаживайте купе, – буркнул толстяк. – И так зябко.

Опоздавший джентльмен, раздраженный тем, что испортилась непрочитанная газета, ему вторил:

– Наверное, опять пути замело снегом. Сейчас расчистят – и поедem. Нет никакого смысла ради этого выпускать из купе крохи тепла.

– И куда подевались эти чертовы маги, которые предсказывают погоду? – подхватил толстяк. – Полнейшее безобразие! Если бы они предупредили о морозах и буране, я бы остался дома.

– И не говорите. Возмутительно, просто возмутительно. И без магии еще вчера вечером было понятно, что нас ждет метель. Зачем вообще нужны эти маги, если не видят то, что у них прямо под носом?

Артур посмотрел на парочку, которая принялась яростно поносить королевских магов, решил не вмешиваться, чтобы ему не перепало за компанию, и опять уткнулся в книгу. Я тоже не стал влезать в разговор, тем более что через оконные щели донеслись голоса кондуктора и других пассажиров. Поезду действительно пришлось остановиться из-за метели, но в течение пяти минут нам обещали возобновить движение.

Настроение у меня подпортилось. Не из-за того, что я увижу Бет на пять минут позже, хотя и это, конечно, не добавило радости.

С утра я просмотрел все свежие номера газет. Эта полезная для частного детектива привычка позволяла не только оставаться в курсе ситуации, но иногда и найти какое-нибудь неожиданное дело. И правда, ни в одной газете не было ни слова о том белом хаосе, который царил за окном, хотя предсказание погоды – это первое, чему учили всех магов после того, как Джон Ди, придворный маг королевы Елизаветы, сумел воспользоваться надвигающимся штормом и в одиночку остановил испанскую Армаду.

То ли маги прямо у себя под носом не заметили слона, то ли кто-то очень хотел, чтобы новость о метели не попала в газеты. Хотя, казалось бы, зачем? Один из соседей по купе прав – что все заметет, было ясно заранее.

Я тяжело вздохнул, откинулся назад и накрыл лицо шляпой-котелком, изображая сон, а то не дай Бог два разбушевавшихся соседа попытаются втянуть в свое обсуждение. Но надежды на то, чтобы поспать по-настоящему, растаяли как дым.

Украденный артефакт и сильный буран. Отличная предстоит поездочка...

Глава 3. Элизабет

Попав в купе, я первым делом его согрела, всего лишь проведя ладонью по специальной панели, и с блаженством скинула громоздкую верхнюю одежду. Боже, благослови фэйри за то, что у нас есть магия!

И тут же улыбнулась этой мысли. Волшебный народец был бы страшно возмущен, услышь он меня сейчас. Ведь они не признавали никаких других богов, кроме самих себя. Еще бы, на их месте, обладая почти безграничными силами, я бы тоже считала себя богиней!

Вот только фэйри ими не были. Иначе бы не ушли несколько веков назад из-за того, что их священные леса вырубали, а ненавистное им железо появлялось в каждом доме.

В Шотландии, в тех местах, куда переселилась моя семья, верили, что фэйри не ушли, ну или, по крайней мере, не все. Просто они стали лучше прятаться от людей, чтобы те их не тревожили. Мне, разумеется, хотелось в это верить, но...

Я была магом, поэтому знала правду. Колдовство досталось людям «в наследство» от фэйри. Это они проложили эфирные каналы по стране, по которым в разные концы Британии передавалась неосязаемая, невидимая материя, называемая волшебством. Не зря в поэмах магию возвышенно именовали дыханием фэйри. Там, где никогда не было фэйри, а соответственно, их каналов, даже самый могущественный маг, такой как Мерлин или Джон Ди, не смог бы и свечу зажечь.

Весь этот железнодорожный путь построили вдоль одного из каналов, который тянулся из Лондона до Эдинбурга. Только поэтому я могла обогреть купе одним движением, и смог бы любой пассажир первого класса вне зависимости от того, родился он с искрой дара или нет. Зачарованные панели на стене впитывали в себя энергию из канала и благодаря этому работали.

Но пока что мы могли оснастить обогревателями только избранных пассажиров – первый класс, то есть человек пятьдесят, в то время как все остальные пятьсот-шестьсот мерзли.

Я вздохнула. Над панелями приходилось трудиться мне самой – этот проект рассматривали и принимали на одном из собраний Королевского совета магов, где мне предписывалось сидеть подле мужа. На собрании я не могла и слова вставить, поскольку сама членом совета не была и присутствовала лишь как супруга Дуэйна, хотя правду знали все вокруг – он сохранил место только благодаря мне. И зачаровывала потом эти панели тоже я, поскольку все маги обязаны служить короне. Не исключено, что через мои руки прошла именно эта панель...

А фэйри, чтобы обогреть все вагоны, наверняка хватило бы щелчка пальцев. И им бы не пришлось беспокоиться о том, что магия иссякает или что тело банально не способно пропустить через себя такой поток волшебства. Фэйри сами были сотканы из магии.

Но что толку об этом сейчас думать? Волшебный народ триста лет не давал ни намека на то, что они рядом, а у меня сейчас проблемы посерьезнее.

Поэтому я разложила газеты и принялась их читать, пытаюсь выяснить, насколько все плохо с моей репутацией.

Купе первого класса напоминало маленькую уютную гостиную с мягкими обитыми красной тканью диванчиками, столиком, лампами на стенах и сетками для багажа. Я ехала одна, поэтому никто не мешал мне разложиться так, как удобно. Не хватало только чашечки чая, но ее можно будет заказать на одной из остановок.

Вскоре я потеряла счет минутам. Одна газета за другой медленно переключивались в стопку прочитанного. Каждая строчка, посвященная мне, заставляла сердце обливаться кровью, и в то же время я иррационально, болезненно вглядывалась в каждое слово, боясь его пропустить.

Я не сомневалась, что меня старательно польют грязью в каждой статье. Аристократы – лицо нации, разводы среди них не одобрялись и были крайне редки. А если в измене обвинялась женщина, то это вообще скандал скандалов. В высшем обществе меня больше никогда не примут, а упоминание вслух моего имени обязательно будет сопровождаться презрительными минами.

Однако, хотя авторы большинства статей позволили себе осуждающий тон в мой адрес, ничего особенно страшного там не нашлось. Никто не пытался делать предположения, с кем я могла изменить мужу, но это и не удивительно. Я прикладывала немалые усилия к тому, чтобы моя репутация сохранялась безукоризненной. От этого напрямую зависело, какую магическую работу мне предстоит выполнять – мелочевку вроде лозоходства или то, что прославит мое имя в веках, как Джона Ди или Мерлина. Влиятельные аристократы ни за что не свяжутся с изменницей.

Было еще кое-что, что меня успокоило. Никто не вспомнил прегрешения моего брата, из-за которых мы впали в бедность настолько, что у меня не оставалось выбора, кроме как выйти замуж за Дуэйна.

Отложив последнюю газету, я выдохнула с облегчением. Скорее всего, Дуэйн заплатил газетчикам, чтобы те «забыли» подробности моей биографии. Ведь пятно на моей репутации – это пятно и на его репутации.

Хотя тогда еще острее становился вопрос, зачем вообще нужно было со мной разводиться?

В любом случае теперь появилась надежда, что в Шотландии мне дадут пожить спокойно.

Да, я надеялась хотя бы на покой. О личном счастье уже и не мечтала – поставила на нем крест, еще когда сочеталась браком с нелюбимым, неприятным мне мужчиной.

На ум в этот момент почему-то пришел Джеймс. Так странно – он сбежал от нас почти сразу после того, как появился Дуэйн, и вновь мы встретились всего через пару дней после того, как суд расторг мой брак. Совпадение?

Мог ли Джеймс специально за мной следить?

А может, он согласился бы понаблюдать за Дуэйном и выяснить, по какой все-таки причине моя репутация и жизнь были стерты в порошок...

Поезд внезапно тряхнуло. Я качнулась на сиденье, больно ударилась локтем о край столика и зашипела от боли, схватившись за ушибленное место ладонью. Да что ж за день сегодня такой, фэйри его заберите!

Закрыв глаза, я сконцентрировалась и ощутила мягкое, ласковое прикосновение магии, которая текла по каналу. Я хорошо знала, насколько оно обманчиво. Как и любая стихия, волшебство сопротивлялось воле человека и стремилось подчинить его себе. Не один маг погиб, самонадеянно решив, что у него хватит сил на мощные чары. Но у меня хватало опыта, да и колдовство требовалось слабенькое.

– Локоть, локоть, не боли, к феям, к феям боль уйди! – прошептала я простенькое заклинание.

Боль тут же стала униматься. Я выдохнула, вновь расслабляясь на сиденье.

Говорить в рифму или в ритм при колдовстве было не обязательно. Иногда оно работало вообще без словесных формул. Но мне всегда казалось, что магию так проще направлять, иначе существовал риск потерять над ней контроль и только ухудшить ситуацию. Например, сломать кости вместо того, чтобы залечить легкий ушиб.

К счастью, мое заклинание подействовало прекрасно. Меньше минуты – и ни намека на боль.

Вновь придя в себя, я выпрямилась и посмотрела в окно. За снегопадом было толком ничего не видно, кроме того что до первой станции мы явно еще не доехали. Поколебавшись, я открыла окно и высунулась на мороз.

Из соседних купе тоже выглядывали растерянные пассажиры. Вдоль поезда бежал какой-то человек. Я поморгала, не сразу поняв, что это кондуктор. Мело так сильно, что оливковая форма стала белой, а сам мужчина походил на ожившего снеговика. Только морковки вместо носа не хватало.

– Дамы и господа, займите свои места, пожалуйста! – кричал служащий на ходу. – Остановка вызвана сильным снегопадом! Буквально через минуту поезд отправится дальше!

– Спасибо! – громко сказала я, но он, кажется, все равно не услышал за ветром.

Я захлопнула окно и послушно села обратно. Раз нужно подождать, подождем, деваться с поезда в любом случае некуда. Чем бы пока заняться?

Ответ пришел мгновенно. Больше всего на свете я любила читать и, наверное, если бы существовала такая возможность, то навсегда поселилась бы в какой-нибудь из книг.

Я пододвинула поближе сумку, в которой лежало все самое важное. Собрать ее сегодня утром помогала горничная, и я попросила ее засунуть куда-нибудь пару книг с моего стола, какие поместятся.

Но вместо специально отобранных для дороги романов среди вещей нашлась лишь одна странная книга. Незатейливая коричневая обложка на ощупь казалась бархатной, хотя материал на вид напоминал тонко выделанную кожу. Ни названия, ни имени автора там не значилось. Когда же я изумленно открыла ее, то и страницы оказались пустыми.

Н-да. Похоже, служанка что-то напутала и положила мне новую записную книжку Дуэйна. Хотя я вообще за ним не припоминала привычки что-либо записывать. Он полагался на память, причем в основном на мою, потому что делами-то занималась я, а бывший муж лишь изображал вечную занятость.

Впрочем, он же больше не женат. Наверное, пытался к этому подготовиться, а горничная нечаянно сломала ему планы.

Я злорадно хмыкнула, представив, как взбешенный Дуэйн брызжет слюной во все стороны. Жаль только, что девушке достанется.

Пока я складывала книгу обратно, поезд уже тронулся и медленно, с натужным пыхтением покатился по рельсам дальше. Но, учитывая, что снег за окном стал падать лишь еще гуще, так, что вообще ничего не разглядишь, пассажиров ждала еще не одна непредвиденная остановка.

В целом в этом не было ничего необычного – почти каждую зиму какой-нибудь поезд да застревал в снегах. Поэтому с недавних пор самые важные маршруты обслуживал маг, который своевременно убирал заносы с путей. Наверняка и сегодня с нами кто-то едет.

Я вдруг задумалась о бушующей снаружи метели. Зимы в Шотландии суровее, чем в Англии, и такая погода там не редкость. Но мы едва выехали из Лондона, и я не помнила, чтобы в столице хоть раз выдавались настолько снежные и холодные месяцы. В газетах о буране тоже не предупреждали, иначе бы я подготовилась получше и взяла больше еды на случай, если застрянем где-нибудь. А раз этот лютый снегопад никто из предсказателей погоды не предвидел...

Голову пронзила резкая боль. Я аж охнула и принялась массировать виски, но спазм миновал стремительно. Даже не пришлось читать очередное заклинание.

Как чудно сегодня все. А о чем я до этого думала? Мысль ускользнула безвозвратно.

Я огляделась. Книги нет, газеты по второму разу читать не хотелось. Ни вышивки, ни вязания с собой не было, да я и не любила эти занятия.

Ну что ж, ничего не остается, кроме как спать. Я достала подушку, зашторила окно и устроилась поудобнее.

Пусть мне приснится... ну, допустим, Джеймс. Из нескладного юноши он умудрился вырасти в привлекательного и статного мужчину. Наверняка о нем грезил многие женщины.

А я теперь вдобавок и не буду нарушать супружеской верности, представляя себе кого-то другого.

«Вот так-то», – с мрачным удовлетворением подумала я, хотя сама не знала, по поводу чего испытываю это чувство.

В сон я провалилась мгновенно. Но снился мне, увы, не Джеймс. Во сне я бежала по снегу в платье, спотыкаясь и увязая в сугробах на каждом шагу. А сзади с воем и улюлюканьем меня догоняла Дикая Охота с мертвецами на лошадях. Только почему-то в моих кошмарах вместо мужчины в его главе скакала на огромном волке уродливая одноглазая старуха, которая указывала на меня костлявым пальцем.

Я мчалась изо всех сил, подбирая юбки. Но как бы ни спешила, куда бы ни пряталась, ужасные крики призрачного воинства, лай демонических псов и горящий глаз старухи становились все ближе и ближе...

Глава 4. Джеймс

Поезд останавливался между разными станциями из-за метели еще несколько раз. В Йорк, который находился примерно на середине дороги, мы прибыли с часовым опозданием. Кондуктор уверял, что нам еще повезло. С нами ехал маг, который быстро расправлялся со всеми помехами, а на другой линии недавно, как говорили, пассажирский состав без волшебника застрял на двенадцать часов.

Я выходил на всех промежуточных станциях – и просто размяться, и попытаться поговорить с Бет. Однако она не появлялась, а в купе первого класса, тем более только для женщин, служащие наотрез отказались меня впускать. Никто из них не хотел потерять работу из-за того, что в купе первого класса к какому-нибудь высокопоставленному лорду или леди проберется простолюдин. В чем-то я их понимал, хотя задержка начинала нервировать.

В Йорке я прыгнул на платформу, кажется, еще раньше, чем остановился поезд. Вокзал открыли после перестройки всего года три-четыре назад, и пассажиров от непогоды защищал огромный навес из стали и стекла. Под ним держался сумрак. Из-за бурана стемнело раньше, повсюду уже зажгли газовые фонари, но они плохо разгоняли тьму.

Порадовавшись, что платформа не засыпана снегом, я скорее поспешил к голове поезда, туда, где размещались вагоны с привилегированными пассажирами.

На вокзале уже царила суета. Остановка была долгой, но и успеть следовало многое. Люди торопились купить еды в буфете или с рук у разносчиков, сходить в уборную. Добавляли хаоса носильщики, тащившие чемоданы тех, кто садился или, наоборот, сходил с поезда на этой станции. Горькие запахи угля, дыма и машинного масла, аппетитные ароматы еды из вокзального буфета смешивались друг с другом и кружили голову.

– Пирожки! Горячие пирожки с мясом! – крикнул прямо мне в ухо один торговец.

Он преградил путь так неожиданно и стремительно, что я чуть не врезался в перекинутый у него через плечо лоток, до предела нагруженный выпечкой.

В желудке сразу засосало. Я не взял с собой еды, рассчитывая, что перекушу на вокзале как раз у кого-нибудь из таких лоточников. Но планы успели поменяться. Сначала Бет, потом все остальное.

– Дьявол! – лишь буркнул я, досадуя на очередную задержку, и поспешил дальше.

Скоро я увидел ее. Шляпка с вуалью, глубокий взгляд серо-голубых глаз под ней, слегка рассеянный, как будто погруженный куда-то вглубь себя. Темно-коричневая свободная накидка-ротонда, выглядывающее из-под него красное платье с оборками. Бет никогда не была жеманной и не носила дурацких турнюров, уродующих стройную женскую фигурку.

На миг я сбавил шаг, любуясь ей издалека. Сердце вновь, как на вокзале в Лондоне, защемило от странного чувства.

Дуэйн Мэлтон – идиот. Ему досталась такая красивая девушка, а он ее потерял.

И похоже, не только я считал, что Бет достойна пары получше, чем Мэлтон. Рядом с ней уже отирался какой-то мужик в выцветшем красном капюшоне, как будто вытащенном из сундука прадеда.

Мне этот человек не понравился сразу. Он был одет как бедняк, хотя стоял у вагона первого класса. Верхнюю часть его лица скрывал низко надвинутый капюшон, но мне было видно нижнюю – подбородок с седой щетиной, выглядевшей так же неопрятно, как и весь ее обладатель.

Хуже того, Бет вдруг ему кивнула и развернулась, сделав за ним шаг в противоположную от вокзала сторону.

– Бет! – крикнул я, припуская с утроенной скоростью и уже без стеснения отпихивая мешающихся прохожих. – Бет, стой!

Она вздрогнула и остановилась. Обращенный на меня затуманенный взгляд медленно прояснялся. Я подскочил к ней и тут же фамильярно взял за руку, чтобы раз и навсегда обозначить чертову нахалу, что эта молодая женщина путешествует не в одиночестве.

Но, к собственному огромному изумлению, когда я отвел глаза от Бет и попытался высмотреть незнакомца, его уже и след простыл. Казалось бы, красный – цвет, который сложно пропустить. Однако я больше не видел поблизости никого в подобном капюшоне, хотя мать-природа меня ростом не обидела.

– Что... что случилось? – слегка ословело, будто только проснулась, спросила Бет и очаровательно похлопала длинными ресницами.

– К тебе подходил какой-то мужчина, – напомнил я, всматриваясь в ее лицо. – Твой знакомый?

Миг на ее миловидном личике держалась растерянность, потом оно просветлело.

– Ах, да. В смысле нет, мы с ним незнакомы. Он всего лишь спросил дорогу.

– Но там ничего нет, кроме рельсов.

Бет рассеянно посмотрела туда, куда чуть не ушла, и нахмурилась.

– Прости. У меня сначала разболелась голова, потом я неожиданно заснула, да так крепко, что чуть не проспала остановку. И кажется, до сих пор толком не проснулась. Наверное, тот человек понял, что из меня сейчас плохая помощница.

– Это все переживания из-за развода, – посочувствовал я. – Сопроводить тебя в буфет?

Она на долю мгновения задумалась.

– Да. Мне ужасно хотелось чашечку чая, но теперь думаю, что лучше бы кофе. Иначе дойдет до того, что я собственную голову где-нибудь забуду, – невесело хмыкнула Бет.

– Не забудешь, ты же не дуллахан, – успокоил я.

Ее глаза широко распахнулись и удивленно уставились на меня. Похоже, вот *сейчас* она проснулась по-настоящему.

– Ты помнишь, как назывались зловещие безголовые всадники-фэйри из ирландских легенд? – поразила Бет.

– Я же собирался однажды стать судьей, – пожал плечами я. – У судей должна быть хорошая память, чтобы выносить справедливые приговоры, а ты в детстве очень старалась, пересказывая мне сказки по сто раз. Ну, идем, а то в буфете все места займут.

Людей и правда на платформе хватало, а у мальчишек, которые продавали с лотков дешевые чай и кофе из цикория, выстраивались целые очереди. За шесть часов в неотопливаемых вагонов все замерзли и пытались согреться хоть так.

Я продолжал держать Бет за руку – совершенно возмутительно с точки зрения английского этикета, но она не сопротивлялась, будто для нее это было в порядке вещей. Лишь поправила вуаль и склоняла голову пониже, словно боялась, что ее кто-то узнает в моей компании.

Ну, что здесь скажешь. Я не женился на богатой аристократке и не посещал заседания королевских советов, а все мои достижения, которыми я мог бы гордиться в качестве частного детектива, выглядели сомнительно с точки зрения лондонцев. Не хвастаться же, что в Америке я выследил и обезвредил целую банду грабителей-всадников, нападавших на поезда и исчезающих в прериях, словно призраки? В Англии конных нападений на поезд, по-моему, не случалось вообще ни разу за всю историю.

Казалось бы, такая мелочь, но она подпортила и без того не самое прекрасное настроение. Хотя разве мне кто-то обещал, что с Бет все будет точно так же, как в юности, словно и не минуло семи лет? Тогда мы находились в одном положении, однако с тех пор между нами успела пролечь социальная бездна.

По крайней мере, Бет не вырывала у меня свою ладонь. И то хорошо.

Слава Богу, в буфете на мой билет никто не посмотрел, поэтому нас спокойно пропустили в зал для первого класса. Один из столиков – у окна, выходящего на пути, с белой скатертью – оказался свободен. Я заказал кофе для нас обоих и для себя бараньи котлеты. Официанты времени не теряли и обслужили нас сразу же, принесли кофейник и две больших чашки из фарфора.

Бет сначала пристально оглядела посетителей буфета и лишь затем сняла шляпку с вуалью. Первый глоток кофе она сделала, слегка поморщившись, потом с облегчением вздохнула.

Я, привыкший в Америке к незаменимости этого напитка, усмехнулся.

– Бет Эйно́р, пьющая кофе. Невероятно. Ты всегда была сладкоежкой.

– Мэлтон, – поправила она.

– Для меня ты всегда останешься Эйно́р. Между прочим, насколько я помню английские законы, ты имеешь право вернуть девичью фамилию.

– Имею, – равнодушно подтвердила Бет.

И продолжила пить кофе.

Несколько мгновений я смотрел на нее, забыв о котлетах и пытаюсь прочесть ее эмоции. Однако то, что мне обычно неплохо удавалось с клиентами и преступниками, абсолютно не работало в случае с Бет. Отчаявшись, я предпочел перевести тему:

– Кстати, а чем ты планируешь заняться, когда вернешься в поместье?

– Честно говоря, еще не знаю. Наверное, пока я просто бегу как можно дальше от слухов, – призналась она. – В Лондоне для меня места нет.

Я чуть не поперхнулся.

– Это для тебя-то нет места? Ты волшебница, причем талантливая, а Лондон – буквально самый колдовской город в Британии. В нем сходятся все главные каналы магии. Не может быть, чтобы для тебя там не нашлось работы.

Она приподняла изящную бровь.

– И многие захотят иметь дело с женщиной, которая к тому же уличена в измене и разведена? Возможно, в Штатах это норма, но не здесь, Джеймс. Даже если кого-то не смутит моя принадлежность к слабому полу, для всех окружающих у меня теперь все равно что на лбу выбито клеймо со словом «Обманщица». К тому же у меня нет образования в Школе волшебства Морганы Ле Фэй для девочек, которое требуется для высоких должностей.

Дуэйнэ это не помешало использовать Бет для того, чтобы пролезть в Королевский совет магов. Язык чесался напомнить об этом, но я сдержался и промолчал. Это было бы верхом бестактности, к тому же я ясно видел, насколько болезненно прошел для Бет развод.

Неужели она действительно любила паршивца?

И об этом я тоже не стал спрашивать. Отложил вилку с ножом, вытер руки о салфетку и внимательно посмотрел на подругу детства.

– Раз ты все равно еще не решила, чем займешься дома, в Далките, поэтому у меня есть к тебе деловое предложение.

– Ого, – произнесла Бет, но не слишком восторженно, а скорее безразлично. – Хочешь нанять меня как ассистента в каком-то расследовании?

– В детстве нашими приключениями обычно руководила ты, – я хмыкнул. – Вернее, просто ставила меня перед фактом, что уходишь ночью проследить за курганом фэйри, а я несся сзади, пытаюсь тебя догнать и уберечь от беды.

– Ну... – на ее лице наконец промелькнула тень улыбки. – Несколько преувеличенно, но в целом, допустим, действительно было так. Хочешь сказать, что времена поменялись?

Я посерьезнел.

– Бет, мы оба знаем, что твои родители все еще в стесненном состоянии, невзирая на помощь Дуэйнэ. И полагаю, ему невыгодно снимать вас со своего крючка. Если я предположу,

что он пообещал не прекращать оказание вам денежной помощи в обмен на твое молчание, то буду прав?

Она вздохнула и отпила еще кофе.

– Должна взять свои недавние слова обратно. Ты хороший детектив. Так и в чем состоит твое предложение?

– Я уже упоминал, что оказался на этом поезде не случайно, но рассказал не все. Мне обещают хорошо заплатить, если я найду у одного из пассажиров поезда украденную книгу. К сожалению, клиент о многом промолчал, но у меня есть причины предполагать, что на самом деле это магический артефакт.

В ее глазах наконец-то появился подлинный интерес.

– Артефакт? С какими эффектами?

– Пока что понятия не имею, – неохотно признался я. – Ты – единственный шанс его найти. У меня есть только описание книги, но не людей, которые ее украли.

– Хм...

Бет облокотилась на стол и уперла подбородок в сжатый кулак, а пальцами второй руки затарабанила по столу. Я хорошо знал этот жест – он значил, что подруга уже прикидывает варианты.

– Вообще-то я не могу гарантировать, что что-то найду.

– В детстве ты отлично находила отцовские очки и потерянных овец.

– Где лежат очки, я просто знала, а выйти на овец не составляло труда благодаря клочкам их шерсти, которых было вдоволь в хлеву. С книгой, которую я никогда не держала в руках и даже не видела, все гораздо сложнее. А как, между прочим, она выглядит? – спохватилась она.

– Кожаная обложка коричневого цвета без надписей, внутри все страницы пустые.

Бет взглянула на меня с таким шоком, что мне показалось, будто я превратился в ирландского безголового всадника, не к ночи он будь помянут.

– Джеймс, – медленно, с очень странной интонацией произнесла подруга, почему-то побледнев, – говоришь, эту книгу украли?

– Клиент сообщил мне, что да. Он несколько месяцев искал воров и пришел к выводу, что ее сегодня переправят из Лондона в Шотландию на этом поезде. Но среди пассажиров это может быть любой...

– Нет, – перебила она. – Ты можешь быть совершенно уверен, что не любой, так как книга у меня. И подозреваю, мне ее подбросили намеренно.

Глава 5. Элизабет

Мы выскочили из буфета, бросив недопитый кофе и недоеденные Джеймсом котлеты, и помчались к поезду с такой скоростью, будто нам жгли пятки.

Хорошо, что заплатили за еду сразу, а то было бы кошмар как неловко.

Зато теперь стало кристально ясно, откуда в моей сумке эта странная книжка. Меня решили подставить. При самом удачном для воров исходе я бы привезла артефакт в Эдинбург, даже не подозревая об этом. Там бы меня обокрали, и вещь снова оказалась у преступников. А при дурном исходе, если бы детектив не оказался моим старым знакомым и обнаружил у меня книгу, меня бы арестовали вместо истинных виновников.

Похоже, Джеймс подумал о том же самом, потому что первым делом огляделся, пробормотал: «Полицейских нет» – и только тогда припустил к моему вагону.

Я безбожно отстала от него уже через пару шагов. Мешали длинная юбка, снегопад, из-за которого все вокруг стало скользким... и чертовы длинные ноги Джеймса!

Я внезапно разозлилась. Когда-то давно, в детстве, я попевала за ним без труда. Конечно, он вытянулся еще больше, стал крепче – вон какие плечи теперь широкие – и наверняка ежедневно тренировался в гонках за улепетывающими преступниками. Но я-то явно сдала за последние годы! Леди же не бегают! Теперь от этого зависела моя жизнь, а мне приходилось полагаться на кого-то другого.

Подобрав юбку до nepозволительной для леди длины, я припустила за Джеймсом. Люди вокруг сразу заохали, заоглядывались, но мне было уже плевать. После развода от моей репутации и так остались крохи. А с учетом, что я в полушаге от ареста из-за краденого магического артефакта, беречь из этих крох и вовсе нечего.

И все равно Джеймс меня значительно опережал. Когда я, задыхаясь и придерживая шляпку, наконец добралась до вагона со своим купе, друг уже спорил с кондуктором.

– Еще раз повторяю: я частный детектив и расследую серьезное преступление. Если вы не будете со мной сотрудничать, могут погибнуть люди! – настаивал он.

– Еще раз повторяю: а я королева Елизавета, – отбрыкивался помощник кондуктора, проверяющий билеты, – грузный пожилой мужчина в форменной одежде. Он выдыхал облачка пара и от холода нервно пританцовывал. – Если вам кажется, что происходит какое-то преступление, обратитесь к настоящим полицейским или приведите начальника станции. Только с его разрешения я пущу вас куда-то, кроме вашего собственного купе.

– Это купе занимаю я, – вмешалась я, суя ему под нос свой билет. – Мистер Кларк со мной.

– Купе только для леди, а у этого мистера к тому же билет второго класса, – продолжал упираться мужчина. – Мне ему даже дверь открывать не положено.

– Она уже открыта, – заметил Джеймс. – Вы туда сами только что заходили?

– Никуда я не заходил, – округлое лицо покраснело от гнева. – Дверь купе открывается исключительно для его пассажиров, иное не положено. Что непонятного?

– Но единственный пассажир стоит прямо перед вами, – возразила я, глядя на повернутую ручку купе, чья дверь выходила прямо на перрон.

Действительно, виднелся явный зазор, как будто ее кто-то очень плохо притворил. Но я, кажется, плотно закрыла ее за собой, чтобы не выветривалось тепло. Или нет? По правде говоря, после того кошмара с мертвецами на конях я вообще почти не соображала, пока Джеймс не окликнул меня снаружи.

Сам он в этот момент пристально наблюдал за служащим.

– Между прочим, почему вы стоите именно возле этого купе? Только в этом вагоне их четыре, а под вашей ответственностью еще и другие вагоны. Сколько вам заплатили, чтобы вы прикрыли преступника? – внезапно спросил Джеймс.

– Я... что? – растерялся мужчина и тут же возмутился: – Да как вы смеете!

Но глаза у него забежали, выдавая правду.

Мне оставалось лишь поразиться проницательности старого друга. Как он сообразил, что служащий продажный?

Джеймс на этом не остановился. Неожиданно он схватил мужчину за оттопыривающийся карман и вытащил оттуда целую горсть каких-то мелких предметов.

Я ахнула. В свете газовых фонарей ярко блеснуло золото монет. Мне даже удалось разглядеть на них изображение единорога, придерживающего копытом щит.

Будучи женой английского лорда с длинной родословной, я неплохо знала историю Великобритании и ее геральдику, так что могла поклясться – этот единорог связан с королем Яковом Третьим, который правил Шотландией в пятнадцатом веке. Но откуда настолько древние монеты, вдобавок ни капли не потускневшие, у служащего паровоза в нашем 1881 году? В Шотландии своих денег не печатают уже лет сто!

Джеймс разжал ладонь, и монеты покатались по перрону, застревая в налетевшем снегу. Странно – почему-то не раздалось ни единого звяканья, которое должен издавать металл при ударе о камень.

Служащий с криком кинулся подбирать упавшее золото. К нему под ноги тотчас кинулся бедно одетый мужчина, наверняка пассажир третьего класса, привлеченный характерным блеском. Он выхватил ближайшую к нему монету из грязи и высоко ее поднял, однако ликующий возглас резко перешел в вопль негодования.

Вместо золота его пальцы держали сухой терновый листок.

То же самое невероятное преобразование происходило с каждой монетой, которую подбирал и служащий. Едва он касался металла, как тот рассыпался в ладони пожухлой листвой. С криком отчаяния мужчина сунул руку в карман, но вместо старинного шотландского золота оттуда высыпалась лишь горсть все же тех палых листьев.

Я в ужасе отступила от вопящего помощника кондуктора и ошалевшего пассажира, которые яростно рылись в слякоти, будто там могли найтись настоящие монеты. Вокруг медленно собиралась толпа, привлеченная странным зрелищем. Не прошло и пары мгновений, как к двум мужчинам начали присоединяться и другие прохожие. Попытка же не пытка. А вдруг сверкание им не померещилось?

Джеймс был единственным, кто не растерялся и не поддался коварному очарованию золота. Вместо этого он кинулся к двери купе и рванул ее на себя.

Все мои вещи оказались перевернуты вверх дном. Ключки купленных в Лондоне газет серыми бабочками летали по купе. А посреди этого хаоса стоял тот самый слегка потрепанный немолодой мужчина в выцветшем капюшоне грязновато-красного цвета, который после остановки поезда в Йорке спрашивал у меня дорогу.

К стыду своему, я взвизгнула.

– Руки вверх! – рявкнул Джеймс, выхватывая из-под пальто револьвер.

И вновь случилось нечто невероятное. Мужчина, который выглядел хоть и оборванным, но вполне по-человечески, внезапно начал уменьшаться в росте. Его капюшон вытянулся, превратившись в красновато-бурый, словно засохшая кровь, колпак. Лицо исказилось, став сморщенным, неприятным, а тонкие губы раздвинулись, обнажая длинные звериные клыки. Всего через долю мига перед нами стоял уродливый карлик со спутанными седыми волосами и в странной одежде, как будто сшитый для спектакля по Шекспиру и позаимствованной у театральной труппы.

Это никак не мог быть человек.

Он по-крысиному оскалился на Джеймса и швырнул в него горсть непонятно откуда взявшейся пыли. Тот инстинктивно отшатнулся, прикрывая глаза рукой.

У преступника был всего один путь для спасения – оттолкнуть Джеймса и выбежать через дверь купе, а дальше на платформу. Разумеется, я не собиралась ему этого позволять, поэтому вобрала в себя волшебство, которого вокруг благодаря магическому каналу было в избытке, и уже подготовилась опутать его незримыми веревками...

Но на перрон так никто и не прыгнул. Пыль улеглась, и купе оказалось пустым. Лишь вспыхнул синим ближайший газовый светильник и с шипением погас.

Джеймс помахал рукой, заставляя разлететься в стороны последние частички пыли. Я ожидала от него шока, крика, чего угодно – в конце концов, мы только что стали свидетелями зрелища, в которое мне не верилось самой.

Магия не всесильна. У нее есть строгие ограничения, которые приходится соблюдать каждому волшебнику. Пожалуй, лишь несколько человек в истории Англии могли так запросто, по щелчку пальцев бесследно исчезнуть: великие маги древности Мерлин и Моргана Ле Фэй и фаворит королевы Елизаветы Джон Ди.

Впрочем, я сомневалась, что даже они это могли. Со времени жизни первых прошло больше тысячи лет, а последнего – почти три века. Спустя такой срок не разберешь, где правда, а где выдумка. Скорее всего, Мерлин точно так же, как нынешние маги, падал без сил после попытки наколдовать иллюзию, которая продержится хотя бы полчаса. А уж истории о том, что он якобы мог превращаться в любого зверя, и вовсе чистейшие сказки.

И все же это произошло – карлик в красном колпаке будто в воздухе растворился. Джеймс вошел в купе и провел вокруг себя рукой, чтобы убедиться – это не чары невидимости и не какой-то фокус. Здесь действительного никого нет.

– Бет! – окликнул он меня. – Где книга?

Я скорее вскочила следом за ним в вагон и притворила дверь. Кондуктором и прохожими словно овладело безумие – все они копались в грязи, пытаясь найти несуществующее золото. Не хотелось, чтобы кто-то из них увидел или услышал хоть что-то о магическом артефакте.

Оглядев уютную «комнатку», в которой собиралась наслаждаться покоем до самого Эдинбурга, я поморщилась.

Газеты порваны в клочки, один из моих чемоданов раскрыт, платья разбросаны. Наверное, карлик думал, что книга где-то под одеждой. Наклонившись, я вытащила из-под сиденья самую простую дорожную сумку, которую набила сэндвичами и в которой обнаружила книгу. Туда же, между завернутыми в бумагу бутербродами, я ее и сунула, сочтя записной книжкой Дуэйна.

Вору не пришло в голову искать там. Книга целенькая, без единого пятнышка лежала на месте.

– Это она? – уточнил Джеймс, беря ее у меня из рук.

– Ну, если за это время на страницах появились буквы, а на обложке – название, то я сильно удивлюсь, – пожала плечами я.

Друг ее раскрыл и полистал, но в ней и правда ничего не изменилось. Листы были девственно чисты.

– Описание совпадает, – кивнул он. – Теперь нужно удостовериться, что это артефакт. Изготовить пустую книжку легко. Нас могут дурить с помощью нескольких одинаковых копий, лишь одна из которых настоящая.

– И где ты всему этому научился? – досадливо пробормотала я, забирая у него книгу и внимательно ее осматривая со всех сторон. – В Америке? Почему-то я запомнила тебя как доброго и вежливого юношу, который не залезал в чужие карманы и не наставлял оружие на других людей.

– Тот карлик был мало похож на человека, – совершенно серьезно ответил Джеймс. – Что за вид магии он использовал, между прочим?

Я отвлеклась от «инспекции» и посмотрела в его ореховые глаза.

– Честно? Не знаю. Вообще-то это должна быть иллюзия, но она сработала очень странно. Обычно, когда мага пугают, морок спадает и проявляется истинное обличие волшебника. Сейчас было наоборот.

– Если только это не его настоящая внешность, верно? – резонно заметил он.

Я нахмурилась и вернулась обратно к осмотру книги.

Мы оба знали, что подобных карликов нет. Детям сколько угодно можно мечтать, что под ближайшим к дому холмом скрывается вход в Тир-на-Ног и если его найти и впечатлить обитающих там фэйри, то они разрешат провести вместе с ними счастливую жизнь без забот и нужды.

Взрослым не до такой роскоши, как вера в сказки. Вместо фэйри нам приходится иметь дело с вещами гораздо серьезнее – ответственность за благосостояние семьи, браки с нелюбимыми мужчинами, разводы...

Я тряхнула волосами, заставляя себя вернуться к реальности. Сейчас не время опять погружаться в тоску о разрушенной жизни.

Итак, книга. Мне бы и в голову не пришло, что она может оказаться зачарованной – от нее не исходило ни дуновения дыхания фэйри. Обычно магия ощущалась как глоток свежего воздуха в душной жаркой комнате. Иногда ее могли уловить даже люди, не наделенные даром к колдовству. Но здесь... Я напрягала все ощущения, и ничего.

В другой раз я бы отложила книгу и забыла о ней, однако меня смущало, что тот мужчина в красном капюшоне, похоже, был совершенно уверен – артефакт подлинный.

– У тебя случайно не завалялся в кармане морской камешек с промывтой в середине дыркой? – обратилась я к Джеймсу. – Или ракушки тоже с дыркой посередине?

У него округлились глаза.

– Знаешь, это весьма неожиданный вопрос в такой ситуации.

– Дуллахана ты помнишь, а это – нет! – всплеснула я руками. – Ты видел, во что превратилось золото на перроне? В листья. Это же классический прием – золото фэйри. Уловка пошла именно от них – фэйри расплачивались с людьми золотыми монетами, которые превращались в сухие крошки, листья или комья земли, стоило духу скрыться за углом. А еще один любимый ими фокус – это отвод глаз.

– Иллюзия, я помню, – кивнул он.

– Не совсем, – поправила я. – Настоящая иллюзия не спадает, пока не развеется от времени или если ее не уничтожить другими чарами. Фэйри пользовались именно отводом глаз. Это менее трудоемкое заклинание, оно держится гораздо дольше и его сложно развеять чарами, зато истинную природу предмета можно увидеть через дырявый морской камешек – его называли «змеиным стеклом» или ведьминым камнем. Еще можно использовать глазную мазь из четырехлистного клевера, но, сам понимаешь, среди зимы нам его нигде не найти.

– Да нет у меня ничего такого, – помотал головой Джеймс. – А что, более простыми средствами не обойтись?

– Если книга действительно ценный артефакт, а зачаровывал ее кто-то уровня мастера магии, то нет. Но посмотрим.

Оставался еще один способ, последний из доступных мне. Я не стала откладывать, тесно сжала свои ладони, сложив их крест-накрест, и начала размыкать до тех пор, пока не появилось крошечное отверстие. Это был «самодельный» аналог ведьмино камня, потому и действовал он хуже. Я не могла гарантировать, что он хоть что-то покажет, поэтому и промолчала.

Однако способ сработал. Я зажмурила один глаз, второй поднесла к отверстию и вдруг увидела, как на прежде гладкой и чистой поверхности обложки проступают нечеткие, призрачные буквы – имя автора и название.

– Ох, – выдохнула я. – Не знаю, артефакт ли это, но книга точно зачарована.

– Что там написано? – сразу оживился Джеймс.

– Не уверена. Буквы английские, но язык другой. То ли древнеанглийский, то ли какой-то из кельтских. У меня, к сожалению, не настолько хорошее образование... Подожди-ка. Имя автора – Анн ап Ллейан.

– И кто это? – нахмурился он.

Я опустила ладони и взглянула на него. Голова шла кругом – не только от того, что я примитивным народным способом пыталась обойти сложное заклинание и оно закономерно устроило мне «отдачу», но и от того, что за человек написал эту книгу.

– Джеймс, – тихо произнесла я. – Анн ап Ллейан – это настоящее имя того, кого мы все знаем как Мерлина.

Глава 6. Джеймс

Я смотрел на Бет и ждал, когда она рассмеется и скажет, что пошутила.

Она, к моему ужасу, оставалась чертовски серьезна.

Мерлин. Величайший маг в истории Британии. Человек, который по могуществу сравнялся с сильнейшими фэйри и которому долгое время поклонялись как божеству. Личность, без которой, возможно, Британии вообще не было бы, потому что именно он вытаскивал короля Артура из всех передрыг. Ему ставили памятники, его имя присваивали разнообразным заведениям, главным из которых, разумеется, считалась Школа волшебства для мальчиков в Кармартене.

Как считалось, Мерлин погиб вместе с Артуром, но это были лишь домыслы. Правду никто не знал. Одни летописи указывали, что он побежден Морганой Ле Фэй и заточен где-то под горой, другие – что Дева Озера, обманутая им возлюбленная-фэйри, отомстила ему за кражу у нее колдовских секретов и навсегда превратила в дуб. Причем такой «полторатысячелетний» дуб сейчас с гордостью показывали в каждом английском графстве.

Зато точно известно было одно – Мерлин не оставил после себя ничего. Ни вещей, ни учеников. Он никому так и не передал невероятные колдовские знания, которые украл у соблазненной им Девы Озера.

За века неисчислимое количество магов сложили жизни в опаснейших авантюрах, пытаясь отыскать наследие Мерлина. Конечно же, ни у кого ничего не получилось. И в конце концов мир пришел к выводу, что никакого наследия просто не существовало.

Черт. Если Бет не ошиблась, то у нас в руках вещь, которая способна сотрясти фундамент представлений об английской истории и магии.

Ничего себе «память о прадеде», в общем. Конечно, теперь опасения клиента можно было понять прекрасно. Знай я, что речь в заказе пойдет о книге, написанной самим Мерлином, то запросил бы гораздо, *гораздо* большую плату.

– Ты можешь прочитать, что внутри? – спросил я.

Бет полистала книгу, повертела ее в руках то так, то сяк, складывая странную фигуру из пальцев, и раздраженно вздохнула.

– Нет. Страницы остаются пустыми. Это ведь даже не вполне магический способ, так, народные поверья... А на книгу наложен отвод глаз. Это не человеческая магия, здесь поработал фэйри. Со всей очевидностью артефакт создан не позже эпохи королевы Елизаветы. Мне нужно очень крепко подумать, что противопоставить таким чарам и как их снять.

– Пока не нужно.

– Почему? – не поняла она.

– Ты собираешься размахивать артефактом подобной значимости перед всем поездом после того, как тебя саму подставили, а неизвестный колдун перевернул все твое купе?

– Ох, – вновь издала очаровательный вздох подруга. – И правда.

Я только головой покачал. Прошли годы, а она все та же. Если увлечется чем-то, то не замечает больше ничего.

– Бери самое необходимое, прячь книгу и проваливаем отсюда.

– Куда? – нахмурилась Бет.

– Для начала в мое купе. Здесь оставаться нельзя – враг уже знает, где ты.

Она растерянно посмотрела на книгу в руках.

– Джеймс, но это же...

– Да-да, это штуковина, из-за которой нас могут убить, потому что она стоит как пол-Англии. Совершенно точно я сейчас не буду сходить с поезда, чтобы отвезти ее по такой погоде

в Лондон. Мы застрянем в снежных заносах еще на выезде из Йорка, и нас возьмут тепленькими. Доберемся до Эдинбурга, а там решим. Он и крупнее, и наверняка в шотландской столице, в отличие от Йорка, есть представители короля по магическим вопросам. В крайнем случае переночуем в отеле и подумаем, что делать.

Ее мой план, похоже, удовлетворил. Она тут же схватила раскрытый чемодан, потом сумку с бутербродами, потом попыталась взвалить на себя еще один чемодан, одновременно запихивая в него разбросанные по купе платья...

– Бет, только самое важное, – напомнил я.

– У меня все самое важное и самое необходимое, – огрызнулась подруга, но остановилась на одном маленьком чемодане, который вручила мне, а сама схватила сумку с бутербродами.

К ним отправилась и книга – куда-то между сэндвичами и сладкими пирожками.

Мерлин бы в обморок упал. Или проклял нас... Как хорошо все-таки, что он мертв.

Снаружи раздался характерный звук свистка, означавший, что поезд вот-вот тронется. Нам следовало поторопиться.

Я выскочил из вагона первым, готовясь к нападению, но перрон казался мирным. Большая часть пассажиров, возившихся в слякоти, уже осознали бессмысленность этого действия и разошлись. Лишь пара человек, включая толстого помощника кондуктора, все еще ползали по земле на коленях.

Золото фэй. Столько раз слышал в сказках, что оно сводит с ума, особенно жадных людей, а воочию видел это впервые.

Странно, между прочим, что на меня эти чары не подействовали. Если бы не деньги, обещанные заказчиком, я бы вообще на поезд не сел.

Однако наше дело не терпело задержек, поэтому я отложил эту мысль на дальнюю полку разума, решив вернуться к ней попозже, и помог Бет сойти на перрон. Ее маленькая ручка в моей широкой ладони казалась хрупкой, почти кукольной.

Сердце сжалось, а затем вспыхнуло пламенем ярости.

Я не сомневался, что муж Бет каким-то образом замешан в этой ситуации. Либо он сам подкинул книгу, либо потребовал развода, зная, что супругу подставят. Если на перевозке краденого артефакта поймут уже уличенную во лжи женщину, она не отмоется от обвинений никогда, а заодно не сможет кинуть тень на супруга, который сразу прикинется невинной обманутой овечкой. Книге Мерлина при этом ничто не помешает исчезнуть еще раз – и очутиться уже в правильных руках.

Дуэйн мне и так никогда не нравился. Но это ж каким нужно быть подонком, чтобы повернуть такую подлость с собственной женой!

Я прибавил ходу, чтобы поскорее завести Бет в купе. Некоторые попутчики были мне не по душе, но, по крайней мере, они вряд ли неожиданно превратятся в уродливых клыкастых карликов. Там нам будет безопаснее.

Однако подруга вдруг дернула меня за руку и остановилась. Когда я с удивлением и даже, признаться, раздражением из-за промедления обернулся, то оказалось, что она смотрит куда-то в начало поезда.

– Джеймс, гляди.

Я прищурился, пытаюсь разобрать, что там за мельтешение. Фонари, которые и без того слабо разгоняли тьму газовым светом, постепенно сдавали под натиском мороза и метели, все больше тускнея с каждой минутой. Наконец мне удалось различить несколько фигур, которые грузили какого-то мужчину на санитарные носилки. Вскоре моя задача упростилась – мужчину понесли мимо нас.

«Парня», – мысленно исправился я, увидев, что там лежит совсем еще молодой рыжий юноша с редкими усиками над верхней губой, скорее всего, призванными добавить солидно-

сти. Ему вряд ли исполнилось хотя бы восемнадцать. Похоже, он находился в глубоком обмороке – никаких ран заметно не было.

– Это Донал, – тихо произнесла Бет, провожая его взглядом.

– Ты его знаешь?

– Да. Талантливый мальчик. Приехал из Ирландии, бедный как церковная мышь. На обучение в школе Мерлина у него, разумеется, не хватило денег, пошел сразу работать. А в Лондоне таких не жалеют, гоняют везде и всюду. Некоторые лорды и послабее заседают в Королевском совете магов, а Донала отправили работать железнодорожным магом.

Я кивнул. Эту должность ввели не так давно, всего пару лет назад, после того как в снегу застрял пассажирский поезд. Его откопали только через несколько дней. Пассажиров, чтобы не погибли от обморожения в неотапливаемых вагонах, пришлось на санях везти до ближайшей деревни, а оттуда переправлять в город.

Одним из неудачливых пассажиров оказалась пожилая мать министра. Скандал раздули на всю Англию. Тогда-то вагоны первого класса и начали снабжать зачарованными тепловыми панелями, а каждый поезд в дурную погоду вроде сегодняшней сопровождал маг, который своевременно разбирался с заносами.

Я не мог знать наверняка, но подозревал, что работка эта дьявольски неблагодарная и страшно выматывающая. Зато с тех пор ни один поезд надолго в снегу не застревал.

– Твой знакомый переутомился? – уточнил я у Бет.

– Похоже на то, хотя вообще-то у Донала должно было хватить сил на то, чтобы даже в такой бурян провести нас до Эдинбурга без долгих задержек, – ответила она. – Правда, я не знаю, возможно, он где-то подрабатывал ночью, поэтому у него и истощились силы.

«Или, что вероятнее, его вывели из игры намеренно», – мрачно подумал я, не став проносить это вслух. Бет и так выглядела встревоженной.

– Идем, – поторопил я.

Больше подгонять ее не потребовалось.

Мы подбежали к моему вагону едва ли не в последний момент. «Прикрепленный» к нему проверяющий уже переступал с ноги на ногу и сердито поглядывал по сторонам. На мой билет он и не посмотрел – запомнил меня с посадки в Лондоне, а Бет оглядел критическим взглядом.

– Простите, леди, вы не ошиблись вагоном? Уверены, что вам не в первый класс? Покажите билет, пожалуйста.

Будь прокляты английские сословные предрассудки! Предлагая поехать в моем купе, я напрочь забыл о том, что пассажира из первого класса могут не пустить во второй. Особенно если это молодая леди, которой предстоит ехать в мужской компании.

Я уже хотел наплести что-нибудь про расследование или что совершенно случайно встретил в поезде родную сестру и во что бы то ни стало намереваюсь ехать вместе с ней, как Бет смело протянула кондуктору свой билет. Тот окинул его беглым взглядом и, к моему огромному удивлению, сделал приглашающий жест.

– Прошу устраиваться поудобнее.

Помогая ей подняться в купе, я украдкой выхватил у нее из руки билет и всмотрелся в буквы.

Там четко виднелся номер именно того купе, в которое мы заходили. Но стоило моргнуть, как очертания цифр поплыли, и вместо них проявился номер настоящего места Бет.

– Иллюзия! – прошипел я так, чтобы служащий, отвлекшийся на других пассажиров, ничего не услышал. – Ты его обманула!

Бет невинно похлопала длинными ресницами.

– В противном случае мы бы слишком долго препирались. Кроме того, ничего принципиального я не нарушила – у меня же все равно билет именно на этот поезд, пусть и в лучшем вагоне.

И она, изящно подхватив длинную юбку, царственно поднялась в купе.

Я лишь вздохнул. Да, вот так когда-то я и пал ее жертвой. Этот томный взгляд из-под полуопущенных ресниц, нежный изгиб лебединой шеи... За годы подруга явно отточила эти приемы и теперь пользовалась ими с полной осознанностью, не раня, а убивая сразу наповал.

Мне ничего не оставалось, кроме как подхватить ее чемодан и последовать за ней.

Глава 7. Джеймс

Двое из трех моих попутчиков уже вернулись на места. Артур опять уткнулся в книгу, жуя пирожок, купленный у кого-то из разносчиков возле вагона. Чуть не опоздавший в прошлый раз мужчина на сей раз пришел пораньше и занял место у окна, тоже погрузившись в чтение свежкупленных газет взамен испорченных при внезапной остановке поезда. Отсутствовал пока только «торговец», но и он, пыхтя, влетел в купе, как только мы с Бет устроились на сиденьях поодаль от остальных. Благо свободное место позволяло.

Из карманов у склочного пассажира торчали свертки с пирожками, которые издавали характерный аромат дешевого перемасленного мяса. Я успокоился. Если бы враг и навел на себя очередной морок, то вряд ли такой.

При виде молодой женщины он расплылся в улыбке и сразу попытался изображать джентльмена.

– Какая приятная компания! Время в поездке теперь пройдет гораздо быстрее. Уильям Тейлор, торговец сукном. А вы миссис Кларк, полагаю? – и он протянул ей для рукопожатия ладонь, еще жирную от пирожков.

Бет застыла, покосившись на нее.

Мне же отчаянно захотелось дать ему по морде. И плевать, что я, ткнув пальцем в небо, угадал с его профессией.

Бет меня опередила. С недрогнувшим лицом она аккуратно пожала грязную руку торговца и каким-то чудом удержалась от того, чтобы тут же не вытереться.

– Рада познакомиться. Вы, наверное, американец? По вам не скажешь.

– Почему вы так решили? – растерялся он.

– В Британии женщинам не подают ладонь для рукопожатия.

– Но так делают в Америке, а вы с мужем американцы, разве нет?

– Так не делают даже в Америке, – отрезал я.

Судя по тому, как на меня сразу посмотрело все купе, мне не удалось сохранить мирный тон.

Еще хуже, что джентльмен с газетой задержал на нас с Бет пристальный взгляд и зашуршал листами. Мгновение он смотрел на первую полосу, затем опять на мою спутницу.

– Вы не миссис Кларк, – уверенным тоном произнес он. – Вы леди Элизабет Мэлтон. Ваша фотография сегодня во многих газетах. Сходство, нужно заметить, просто поразительное – газетчики в этот раз превзошли себя.

И вновь Бет даже не моргнула. С поразительным спокойствием она повернулась к мужчине и растянула губы в отточенной улыбке – не искренней, но и достаточно широкой, чтобы ее нельзя было упрекнуть в невежливости.

– Да, вы правы, но и мистер Тейлор не сильно ошибся. Мы с Джеймсом действительно родственники – он мой старший брат, который недавно вернулся из Америки и сопровождает меня домой в Шотландию.

В купе повисла тишина.

Подруга вралла мастерски – не как леди, а как матерый преступник. Такого я за ней раньше не припоминал. В детстве она любила присочинить, но ее истории всегда элементарно раскусывались, потому что в них обязательно присутствовали фэйри или магия. Похоже, за минувший срок Бет усвоила, что лучшая ложь – та, что наполовину состоит из правды.

Ведь старший брат у нее был, и не важно, что он бесследно исчез восемь лет назад, обворовав местную шотландскую банду. В общем-то никто не сомневался, что Оливер не в Штатах, а давно мертв, потому что бандитов его поступок взъярил здорово.

Именно тогда налаживающееся состояние семьи Эйно́р и рухнуло. Шайка заявила в дом к отцу Бет и разгромила ферму, ничего не желая слышать о том, что родственники не имеют никакого отношения к краже и не представляют, где прячется Оливер. Отцу Бет переломали ноги, сделав калекой навсегда. Поэтому семья теперь и зависела настолько сильно от денег Дуэ́йна Мэлтона.

Я мог гордиться тем, как ловко Бет только что вышла из ситуации, но в груди вдруг неприятно кольнуло.

Конечно, на роль ни товарища, ни хотя бы частного детектива я не гоюсь. Только на репутационное «прикрытие» в виде брата.

Я не помнил, писали ли о нем в газетах. Это была неудобная тема, которую даже в семье старательно избегали, но именно за такую грязную подробность газетчики обязательно ухватились бы – если бы о ней узнали. Судя по тому, что джентльмен, узнавший Бет, прочистил горло и прикинулся увлеченным новой статьей, это все же осталось тайной.

Торговец смущенно крякнул.

– Что ж... Прошу прощения, что не признал в вас леди.

– Ничего страшного, мистер Тейлор, – заверила Бет. – В конце концов, после развода я потеряла титул. Возможно, однажды я в самом деле поеду в Америку и лично выясню,жимают ли женщинам там руку. Это большая страна, наверняка хотя бы в одном из штатов так все же делают.

Любезность его тронула. Он тепло улыбнулся, на миг даже став симпатичным.

– Ну что вы! Прирожденную леди всегда видно сразу. Потеря титула в вашем случае ничего не означает.

– Вы очень добры, – коротко ответила Бет.

Намек на нежелание продолжать разговор был более чем прозрачен. Толстяк еще раз сконфуженно улыбнулся, подсел к джентльмену с газетой и принялся поглощать пирожки.

Артур ограничился тем, что за весь разговор один раз озадаченно глянул на нас поверх книги и тут же провалился в нее обратно. Хоть у кого-то в этом купе хватило такта промолчать.

Впрочем, я подозревал, что мистер Дойл элементарно не в курсе скандального развода. Люди, увлеченные писателями вроде Эдгара По, редко уделяют внимание газетам.

Поезд тем временем шумно вздохнул и тронулся с места.

В последнюю минуту никто не ворвался в купе. Локомотив ускорился. За окном в метели сначала медленно, затем все быстрее пролетали вокзальные постройки и затем йоркские дома. Мы ехали в Эдинбург в компании самых обычных людей, а не магов или злобных карликов.

И в какой-то миг я всерьез поверил, что все опасности нашего маленького приключения на этом закончились...

Глава 8. Элизабет

Едва с языка сорвались слова о брате, я о них тут же пожалела и не удержалась, бросила взгляд на Джеймса. Обиделся или нет? Но он в этот момент смотрел на мистера Тейлора, и по его лицу что-то понять было невозможно.

Все же зря я это сказала. Оливер был плохим сыном, а братом – еще хуже. Самое сравнение с ним должно быть для Джеймса неприятным. Они постоянно ссорились, Оливер даже колотил его несколько раз, пользуясь тем, что он старше и сильнее.

Ну а позже его поступок расставил все по своим местам.

В глубоком детстве я иногда представляла, что мой настоящий брат – это Джеймс, а Оливер – подменыш, противный детеныш фэйри, которого подсунули родителям вместо их подлинного сына. Разумеется, это были не более чем детские фантазии. Мы с Оливером и правда мало походили на родителей, зато наше сходство друг с другом не оставляло места для спекуляций.

Лишь когда Джеймс исчез почти так же, как Оливер, без предупреждения и прощания, я вдруг осознала, что он был мне намного дороже, чем родной брат. Жаль, что Джеймс, по всей видимости, не относился ко мне так же, иначе бы не поступил подобно Оливеру, без прощания сбежав в Америку. И все же, невзирая на обиду, которая еще тлела спустя столько лет, мне не хотелось его задевать.

К счастью, назревающий скандал в купе удалось быстро уладить. Мистер Тейлор и мужчина, читающий газету, разговорились между собой и переключились на обсуждение каких-то других новостей. Убедившись, что интерес ко мне остыл, я выдохнула, достала из сумки сэндвич с ветчиной и протянула Джеймсу.

– Поешь. Ты, наверное, голодный.

– Да нет, я же перекусил в буфете...

– Джеймс, – мягко произнесла я, – кого ты обманываешь? Ты всегда был голодный, сколько я тебя помню.

Он рассмеялся, принимая сэндвич.

– Это потому что мне приходилось постоянно носиться туда-сюда. В основном по твоей вине, между прочим.

Мы оба резко посерьезнели.

Опять, как в детстве, мы влипли в историю, связанную с фэйри. И опять по моей вине, хоть и косвенно. Только на сей раз проблемы грозили закончиться чем-то похуже, чем простым выговором от папы за то, что удрали из дома без спросу и таскались по буреломам.

Джеймс оглянулся на попутчиков. Те казались увлеченными беседой, но он все же придвинулся ко мне и понизил голос.

– Ты точно не знакома с тем магом, который пытался тебя обворовать? Ты же наверняка встречалась со многими волшебниками Англии.

Я восстановила в памяти сначала внешность оборванца, спрашивающего у меня дорогу, затем карлика, в которого тот превратился.

– Со многими, но не со всеми. Только с теми, чьи дела каким-то образом пересекались с делами Королевского совета магов, как в случае с тем парнем, Доналом. По правилам все, кто родился с восприимчивостью к дыханию фэйри, обязаны регистрироваться в совете, но так поступают не все. Некоторые считают, что их дар слишком слаб, чтобы возиться с бумажками совета и работой на корону. Некоторые же предпочитают, чтобы об их даре никто не знал.

– Мошенники, – кивнул он.

– Вот что меня беспокоит, – тихо продолжила я. – Этот вор невероятно силен. Когда ты вытащил из кармана кондуктора горсть монет, что почувствовал?

– Ну... – Джеймс растерялся. – А что нужно чувствовать, когда держишь в ладони золотые монеты?

– В том-то и дело. Они на ощупь были как монеты, а не как листья, верно?

– Разумеется.

– Это сложная магия. Простая иллюзия не меняет суть вещей, а всего лишь заставляет нас видеть то, чего нет. К тому же она очень нестойкая – ты сам видел, как быстро слетел морок с моего билета. Будь золото фэйри работой простого мошенника, то ты бы сразу, только коснувшись поддельных денег, понял, что что-то не так. А потом еще изменение внешности и исчезновение... Я не самая слабая волшебница, но уже упала бы в обморок, как Донал, если бы мне пришлось пропустить через себя за короткий срок столько дыхания фэйри.

– Разве эта железнодорожная линия не построена вдоль магического канала, чтобы облегчить задачу королевским волшебникам, которые ее строили и обслуживали? – резонно заметил он.

– Да, но... – я повела плечами, не в силах понять, что именно меня беспокоит в этом воре.

– Его исчезновение. Это почти невозможно даже невзирая на то, что мы едем вдоль канала магии. И его красный капюшон... Такая странная деталь. Можно же выбрать гораздо более неприметные цвета, зачем как будто специально обращать на себя внимание?

Меня внезапно осенила безумная мысль.

– Джеймс, – дрожащим голосом позвала я. – Мне кажется, это был фэйри.

Он фыркнул.

– Бет, при всем уважении... Мы уже не маленькие дети, чтобы сутками торчать в камышах и ждать появления несуществующих келпи.

– Они существовали раньше, – поправила я жестким тоном. – То, что фэйри покинули Англию, еще не значит, что они превратились в выдумку. Да и где гарантия, что они действительно ее покинули? Фэйри – известные лжецы. Не зря же многие обманные трюки получили названия в их честь, взять хотя бы то же золото фэйри. Вспомни многочисленные истории о том, как в былые времена добрый народец заманивал путников в свои курганы. Люди думали, что провели там семь дней, а оказывалось, что семь лет. Многочисленные входы в Тир-на-Ног, волшебную страну фэйри, вряд ли просто взяли и исчезли. Что мешало Титании и Оберону объявить королеве Елизавете, что их племя покидает Британию, а на самом деле постоянно возвращаться?

Джеймс вздохнул и отвернулся, устремив взгляд в окно, за которым мелькали усыпанные снегом ели.

– Вот уж не думал, что придется вновь с тобой об этом спорить. Если бы существа, наделенные такой огромной силой, все еще жили в Англии, они бы давно ее захватили, а вместе с ней и полмира в придачу. Зачем терпеть жалких людишек с их ненавистным железом?

– В том-то и дело. Железо делает их бессильными, а теперь оно всюду. Ты же знаешь историю. Фэйри – это не один народ. Мало того что у них есть Благой и Неблагой дворы, правители которых воюют между собой, так еще и хватает одиночек, которые вообще ни к какому двору не желают присоединяться. Пока фэйри были заняты склоками между собой, не принимая людей всерьез, стало слишком поздно с нами сражаться. Теперь у нас есть пушки, револьверы, пароходы, поезда... К нам не подступиться.

– Ты противоречишь сама себе. Если бы тебя пытался обокрасть фэйри, он бы не смог не то что в купе забраться, а к вокзалу подойти. Здесь же все железное!

Нас прервал вежливый кашель. Вздвогнув – после «приключения» в собственном купе теперь любой неожиданный звук казался мне опасностью, я повернулась к тому, кто его издал.

К моему изумлению, это был молодой крепкий мужчина, сидящий у окна с какой-то художественной книжкой. Он единственный не проявил к моей личности совершенно никакого интереса. Что ему понадобилось сейчас?!

– Простите, – вежливо начал он, чем сразу значительно снизил градус моего кипения. – Мне показалось, вы рассуждаете о фэйри?

– Допустим, – холодно ответила я, предчувствуя очередные неприятности.

– Там, откуда я родом...

– А откуда вы, кстати, родом, Артур? – достаточно бестактно перебил Джеймс.

– Мои родители – ирландцы, но сам я родился в Шотландии, – пояснил молодой человек. – Моя мама – большая любительница разных историй. Она рассказывала, что не все фэйри боятся железа. Например, брауни – те маленькие и безобидные духи, что обитают в домах, – без хлопот варят еду в человеческих котлах. А чтобы я в детстве скорее ложился спать и не баловался, меня припугивали красными колпаками.

– Точно! – воскликнула я. – Красные колпаки, Джеймс! Кошмарные фэйри, которые обитали в замках на границе Шотландии и Англии. Они были настолько кровожадны, что обмакивали свои головные уборы в свежую кровь убитых врагов, поэтому их колпаки казались красными. Из-за этого фэйри и получили такое название. А выглядели они точь-в-точь как тот карлик!

– Какой карлик? – мгновенно заинтересовался Артур.

– Это мы так, народное творчество обсуждаем, – неубедительно соврал Джеймс.

Я с упреком посмотрела на него.

Он всегда был слишком честным, чтобы правдоподобно лгать. Похоже, его пребывание в Америке ничего в этом отношении не изменило.

– Главное, – перевела я тему, – что красные колпаки не боятся железа. Все легенды сходятся на том, что у них железные сапоги, которыми они жутко грохочут, когда гуляют ночами по своим замкам, а орудуют они железными же алебардами.

– Но чего-то же он испугался, – настаивал Джеймс. – Иначе не сбежал бы.

– Ну, есть же и другие способы отпугнуть фэйри. Надетая наизнанку одежда, проточная вода, гроздь рябины...

– И ничего этого у меня с собой нет, зато есть револьвер. Если этот колпак... Боже, какое же все-таки дурацкое имечко у него, – поморщился он. – В общем, если этот фэйри не боится железа, то ему должно быть наплевать на попадание в него стальной пули. У человека, наоборот, будут все причины перенервничать и удрать.

Я поджала губы, не в силах подобрать аргумент против такого довода.

Обязано быть что-то еще, чего мог испугаться карлик. Что же выпало из моей памяти?

Хотелось выругаться – крепко, громко, от души. Выпустить напряжение, которое копилось внутри последний месяц, а сегодня достигло пика.

Но я слишком привыкла играть роль леди. Эту личину пришлось начать примерять еще до брака, чтобы не опозориться при влиятельных друзьях и коллегах Дуэйна. Теперь она срослась со мной так крепко, что уже было не отличить – где я, а где моя роль.

Поэтому я лишь раздраженно выдохнула.

Эта же роль вытеснила из меня все, что я раньше так любила. В детстве я легко могла перечислить почти все виды фэйри, некоторых даже по именам, таких как златокудрая Ниям из легенды о барде Оссиане или склочная женщина-брауни Волосатая Молли.

Сейчас же из памяти выдавилось многое из этого. Ведь мне требовалось помнить имена, титулы и родословные всех членов Королевского совета магов – не дай Бог ошибешься, это будет обида на несколько поколений вперед. На мне же висела забота о лондонском доме, где мы жили. И это еще не говоря о колдовской работе, которая ложилась на меня вместо Дуэйна!

Спасибо, что он хотя бы не сбросил на меня воспитание сына от первой жены. Мальчика растили в отдаленном поместье, чтобы в столице никто не знал, что он, как и его отец, не владеет магией. Не стоило сомневаться, что к совершеннолетию Дуэйн найдет ему подходящую партию среди учениц школы Морганы Ле Фэй, и юная пара повторит историю родителей. А пока ребенок не мозолил лондонским волшебникам глаза, его отец мог уверенно вести себя так, словно Мэлтоны будут заседать в совете до самого конца света.

Голова опять заныла. Я помассировала виски, стараясь облегчить боль. Что же сегодня весь день такое...

Кажется, мне следует поменьше думать о Дуэине. Это явно вредит моему здоровью.

Слова попутчика, который продолжал прислушиваться к нашему разговору, прозвучали словно через подушку.

– Еще раз прошу прощения, – извинился он, – но моя мама рассказывала, что самые верные средства против доброго народца – это железо, крест и святая вода. Еще они боятся колокольного звона и исчезают всегда, стоит ему раздаться. Иногда достаточно даже просто упомянуть Господа Бога или Иисуса Христа. Если фэйри не сбегает, увидев железо, значит, его можно испугать христианскими символами.

На лице Джеймса появилось озадаченное выражение. Он распахнул пальто и достал из спрятанной под ним кобуры револьвер серебристого цвета с длинным стволом, на котором виднелись какие-то царапины.

Все купе дружно охнуло.

– М-мистер Кларк!.. – дрожащим голосом начал торговец сукном.

– Все в порядке, я частный детектив, – успокоил он. – Мне всего лишь нужно проверить свое оружие.

Джентльмен с газетой вновь окинул нас неодобрительным взглядом. Мистер Тейлор поежился и отвернулся к окну. К моему удивлению, над револьвером склонили головы не только мы с Джеймсом, но и молодой Артур. Он с искренним любопытством оглядел изящные даже на мой неискушенный вкус очертания.

– Кольт?

– Разбираетесь в оружии? – с гораздо большим уважением в голосе, чем раньше, уточнил Джеймс.

– Нет. Если честно, ткнул пальцем в небо, – рассмеялся тот.

– У вас хорошая чуйка, – оценил Джеймс. – Это действительно револьвер Кольта, «Миротворец». Не так давно создан для американской армии, но его уже высоко оценили на Диком Западе. Смотрите.

Он повернул ствол перед нами, и вдруг то, что мне сначала показалось просто царапинами, сложилось в неумелую, грубую гравировку. «Боже, защити», – было написано на оружии. Под словами виднелся крест.

– Эту модель я купил у одного ковбоя, который думал, что молитва и крест спасут его от «демонов» – индейцев, – пояснил Джеймс.

– И как, спасли? – поинтересовался Артур.

Друг крякнул.

– Он так ни разу и не использовал его против краснокожих. Парню прострелили ногу свои же во время пьяной перестрелки возле салуна. Потому он и продал оружие – ему оно уже было ни к чему.

– Что ж... – кашлянул Артур. – По крайней мере, мы выяснили, чего испугался красный колпак – креста на вашем «Миротворце». Себя ковбой не уберег, зато вам оказал немалую услугу.

Джеймс вздохнул, пряча револьвер.

– Вас бессмысленно пытаться обмануть, да, мистер Доил? Вам бы в детективы пойти.

Тот смутился.

– Вообще-то я медик. Пока что студент, если вернее. Из-за болезни родственников пришлось ненадолго съездить в Лондон, но сейчас я возвращаюсь в Эдинбург, чтобы сдать экзамены и получить диплом.

– О! Врач – одна из самых благородных и полезных профессий. А я уже решила, что вы поэт или писатель. Вы очень много знаете о фэйри для медика! – похвалила я.

Артур опять очаровательно для такого крепкого молодого человека покраснелся.

– У меня уже давно есть мечта написать роман о добром народце, – признался он. – Может, если медицинская практика оставит немного свободного времени...

– Британцы и так чересчур помешаны на фэйри, – поморщился Джеймс. – Лучше напишите книгу о частном детективе. Ей-богу, толковое объяснение, как и чем мы занимаемся, гораздо больше поможет простым людям, чем сказки о волшебстве, которое доступно только единицам.

Собеседник улыбнулся той вежливой улыбкой, которая, как мне показалось, означала у людей «Спасибо за совет, но я к нему не прислушаюсь».

– Я подумаю, – коротко ответил он, подтверждая мое мнение.

На меня вдруг накатил очередной приступ головной боли, настолько сильный, что я охнула и поднесла руку ко лбу.

А ведь и мысли о Дуэине не было!

– Бет, – я ощутила на плече надежную и крепкую ладонь Джеймса. – Что с тобой? Все хорошо?

– Да, – солгала я, хотя у меня аж потемнело в глазах. – Легкое недомогание, сейчас пройдет.

Мне не хотелось вновь колдовать, поскольку это расходовало энергию, но похоже, что выбора не оставалось. Со спутанным разумом я только наврежу, а мы и так попали в серьезную передрагу. Особенно если моя догадка насчет красных колпаков не ошибочна.

Я приложила ладони к голове так, чтобы закрыть одновременно виски и большую часть лба, затем прошептала:

– Ветер, ветер, в поезд залети, боль мою с собою унеси.

Через окно купе второго класса сквозило прилично, и я действительно ощутила прикосновение к лицу морозного воздуха. Спазм отступил, принося облегчение... Лишь для того чтобы в следующий миг навалиться с новой силой.

Да что же такое! Подобные заклинания раньше работали безотказно. А учитывая, что поезд идет вдоль магического канала, так и вовсе приступ должен был исчезнуть без следа.

Внезапно я вспомнила Донала, которого вытащили из поезда на носилках. Мне еще тогда пришла в голову мысль, что парнишка вряд ли мог пропустить через себя слишком много дыхания фэйри. Он достаточно силен и опытен, чтобы совершить такую ошибку.

Но что если его опутали чарами?

Судя по новому резкому спазму, от которого у меня непроизвольно сжались челюсти, догадка была верной.

– Бет? – еще более напряженно спросил Джеймс. – Ты вся побледнела.

Настоящая леди ни за что не призналась бы, что на нее накатывает дурнота на грани обморока. Настоящая леди держала бы лицо до последнего и нашла бы способ справиться с болезнью своими силами.

Какое счастье, что я больше не леди.

– Кажется, я стала жертвой тех же чар, что и Донал, – призналась я. – Попытаюсь их снять, но если не получится и я потеряю сознание, то не зовите кондуктора и не останавливайте поезд. Уложите меня поудобнее, и я спокойно посплю до Эдинбурга, хорошо?

Артур растерялся, его взгляд перебегал с меня на Джеймса. Друг же, судя по плотно сжавшимся губам, все понял.

Мое недоумение наверняка дело рук красного колпака, который охотится за Книгой Мерлина. Вряд ли он просто сбежал, испуганный крестом на револьвере. Скорее всего, затаился где-то на поезде и ждет, когда состав остановится посреди леса, чтобы фэйри мог воспользоваться суматохой, обокрасть меня и удрать в чашу незаметно для людей.

Я не собиралась ему уступать, невзирая на свой трепет перед волшебным народом. Приди ко мне, скажем, Титания, фея лета, королева Благородного двора – самых доброжелательных по отношению к людям фэйри, то я бы, может, отдала бы ей все, что та попросила. Но легенды о красных колпаках свидетельствовали однозначно – они людям враги и не упустят возможности пустить нам кровь.

Ни в коем случае нельзя проявлять перед ними слабость и тем более отдавать им такой ценный артефакт, как Книга Мерлина. Неизвестно, какие секреты сокрыты внутри. И так уже очевидно, что фэйри обманули британцев и ни в какой Тир-на-Ног не ушли.

В груди начал разгораться странный огонь. Злость в нем сплавлялась воедино с твердой решимостью, образуя что-то новое, чувство, которое я раньше никогда не испытывала.

Сначала меня жестко контролировал отец, заставивший выйти замуж за Дуэйна, потом сам Дуэйн. И вот куда меня это привело.

Нет уж. Фэйри или люди – я больше не дам крутить собой так, как им вздумается. Отныне я сама буду определять собственную жизнь. В том числе что делать с Книгой Мерлина. Пока я ее не прочитаю, ее не получит никто.

Заклинание очищения при таком настрое далось легко. Поскольку я не носила на себе «косметических» или каких-либо других чар, то не стесняла себя в использовании силы и, замуравшись, смыла потоком магии с себя все, что только можно.

В подобные моменты я отчетливо понимала, почему люди называли магию дыханием фэйри – она мягко струилась по телу, обнимая, словно ласковое материнское дыхание, а иногда щекоча, как шаловливые детские пальчики, и заставляя подняться все волоски. Без истинного зрения, которое можно было задействовать магией из четырехлистного клевера или ведьминым камнем, я не могла видеть, как с меня опадают нити враждебных чар, зато чувствовала прилив сил. Головная боль полностью ушла, разум прояснился, даже дышать стало свободнее.

Однако едва действие заклета закончилось, как на языке появился горький привкус. Грудную клетку вновь сдавило, хотя спазмы, слава Богу, не вернулись.

Что-то было не так. Словно враждебные чары плавали в самом воздухе, а не опутывали меня паутиной, как мне казалось раньше.

Секунду поколебавшись, я надела на себя магические доспехи. Невидимые и неосознаваемые, эти чары защищали от воздействия вражеских заклятий.

Никогда бы не подумала, что это заклинание мне пригодится. Я его и выучила-то по той простой причине, что членство в совете требовало его знания. В былые времена спорные ситуации разрешались волшебниками с помощью поединка. Разумеется, в процессе они иногда гибли, а Британия не могла терять своих сильнейших людей, поэтому это правило давно отменили, а традиция изучать определенные чары осталась.

И к лучшему.

Когда я с глубоким вдохом подняла веки, Артур уже вернулся на свое место и читал книгу, а Джеймс внимательно наблюдал за мной. Интересно, он хотя бы на миг отвел от меня глаза?

– Ну как? – был первый же его вопрос.

Я неуверенно повела плечами.

– Если на меня и наложили какие-то заклятия, то я их сняла. Но у меня все равно какое-то плохое предчувствие...

Поезд в этот миг резко затормозил. В купе все покачнулось: я чуть не упала на сидящего напротив Джеймса, Артур едва не выронил томик, а джентльмен с газетой и мистер Тейлор, охнув, столкнулись друг с другом.

– Проклятая метель, черти бы ее побрали! – выругался торговец. – Опять из-за нее полчаса где-то в поле стоять будем и опоздаем в Эдинбург! Ох, простите мой грубый язык, леди Мэлтон, – спохватился он. – Не хотел браниться при вас.

– Ничего страшного, – успокоила я.

Наоборот, его высказывание навело меня на идею.

– Разрешите, пожалуйста, – попросила я, встав с сиденья и аккуратно пробираясь к окну.

Мужчины сразу же меня пропустили, хотя и проводили недоуменными взглядами. Снаружи уже стояла ночная тьма, а поскольку мы остановились за городом, то никакие фонари ее не разгоняли. Наверняка соседи по купе не понимали, что я там собираюсь высматривать.

Я же сложила ладони вместе так, чтобы между ними оставалось небольшое отверстие, и через него взглянула в окно. Этот метод не помог разобрать текст в Книге Мерлина, поэтому я ни на что особенно и не надеялась.

Но увиденное заставило мое сердце подпрыгнуть в груди.

По небу расходились разноцветные сполохи, напоминающие северное сияние. Я не имела чести наблюдать его самой, но видела изображающие его картины. Синие, зеленые оттенки, вдалеке переходящие в фиолетовые, – красивое зрелище, которое должно было восхищать, но производило прямо обратное впечатление.

Ведь я точно знала, что это не какой-то природный феномен. Это магия, настолько мощная, что для нее потребовались бы силы всего Королевского совета магов. Но они ее не накладывали, в этом можно было не сомневаться. А если не они, то у какого еще существа хватило бы сил наслать магический буран на всю Британию?

Стоило об этом подумать, как я ощутила сильный ментальный удар. Доспехи выдержали, отразив его, но в «окошке» из пальцев разошлись новые разноцветные сполохи: белые – от моих защитных чар, синие – от вражеских.

Я опустила руки, мрачно вглядываясь во тьму снаружи.

Так головная боль была не следствием переживаний из-за развода и не злыми чарами красного колпака. Теперь я вспомнила, что первый раз приступ случился почти сразу после посадки в Лондоне, при мысли о том, что сильную метель не смог предсказать ни один погодный маг.

Колдовской буран принес с собой не только снег. Он отвлекал всех магов, которые в него попали. Видимо, так Донал и потерял сознание – вынужденный бороться со снежными заносами, он беспрестанно думал о том, откуда же они взялись.

Это даже еще более сложное заклинание, которое и фэйри далеко не всем под силу. Разве что только кому-то из королей, вроде Оберона и Титании? Но они хозяева летних стихий. За зиму отвечает Маб, госпожа Неблагого двора.

Она давно покинула Британию, вместе с Обероном и Титанией отправившись в Тир-на-Ног. Отплытие их невероятных кораблей наблюдали многие англичане. Но теперь уже ничему верить было нельзя. Если красные колпаки вернулись, то ничто не мешало и Маб сделать то же самое. Тем более если учесть, что эти злобные карлики – подданные как раз Неблагого двора.

Я невольно оглянулась на свою сумку, с напускной небрежностью засунутую под сиденье. Если напавшему на меня красному колпаку покровительствует кто-то из правителей доброго народа, у нас с Джеймсом большие проблемы.

– Вы колдуете? И что вы там, за окном, хотите найти с помощью магии? – не выдержал неприятный джентльмен, который недавно узнал меня по газетным статьям. – Может, хотите поезд запустить наконец, чтобы мы не торчали часами в каждом сугробе?

– Пытаюсь выяснить, не усилится ли метель, – солгала я.

Он тряхнул газетой, почти уткнулся в нее носом и едва слышно забормотал:

– Я и без магии предельно ясно вижу, что погода не улучшится. Проклятые маги! За что мы каждый год такие огромные налоги ради них платим? Дармоеды.

Торговец сукном скосил на него глаз и сделал такое движение, будто собирался поддакнуть, но скользнул по мне глазами и промолчал, притворившись, что стряхивает с колен крошки от пирожков.

Я могла бы о многом сказать хаму с газетой. Например, поделиться историями о том, как до полусмерти загоняют себя ребятишки вроде Донала, чтобы помочь собственным даром простым людям... Но вздохнула и, не произнеся ни слова, села напротив Джеймса.

Этот джентльмен не то чтобы совсем не прав. Деньги и правда оседают в кошельках таких людей, как Дуэйн, которые сами ничего не могут. Давно пора бы выгнать их из совета, но традиция...

Традиция для Британии всё. В высших кругах всерьез верили, что родословная что-то значит, и если родители какого-то лорда заседали в совете, то он будет лучше понимать в магии, чем я или Донал. И не важно, что всю работу при этом выполняли именно мы.

Джеймс в дальнем конце купе, к счастью, не слышал выпада мужчины с газетой, а то разразился бы скандал. Я наклонилась к другу и уже хотела рассказать о догадках по поводу метели, однако он, не спуская внимательного взгляда с двери, приложил палец к губам.

Через пару мгновений раздался стук, затем дверь открылась, впуская в купе холод и вихрь снежинок. Пассажиры сразу нахохлились, запахивая одежду, а я торопливо поправила шляпку с вуалью.

На пороге появился кондуктор с кучками снега на плечах и фуражке.

– Леди и джентльмены, всё ли у вас в порядке?

– Да, – ответил Джеймс, сидящий ближе других к выходу.

– По какому поводу остановка? – выкрикнул мистер Тейлор.

– Очередной занос, – пояснил кондуктор. – Наш железнодорожный маг выбыл из строя в Йорке, теперь приходится разгребать вручную. Вот поступил приказ опросить пассажиров, нет ли среди них волшебников, которые помогут справиться с сугробами.

– В нашем купе их нет, – быстро ответил Джеймс прежде, чем кто-то успел что-то ляпнуть.

Кондуктор уныло кивнул.

– Я так и думал. Скоро отправимся в путь, прошу не переживайте и ни в коем случае не покидайте вагон.

Дверь закрылась. Вой ветра стих.

Конечно же, первым возмутился пренебрежительный тип, которого я уже окрестила «газетчиком» из-за того, что он не выпускал свежие выпуски из рук.

– Мистер Кларк, вы издеваетесь? С нами едет волшебница, которая могла бы доставить нас в Эдинбург на счет раз-два! Объяснитесь, по какому праву мы обязаны мерзнуть в поезде на бесконечных остановках?

– Грести снег – это работа не для женщины, и плевать, волшебница она или нет, – огрызнулся Джеймс. – Если так ратуете за скорое прибытие в Эдинбург, идите и машите лопатой вместе с рабочими. Всяко больше пользы будет. Заодно и согреетесь.

Лицо мужчины покраснело от злости, но на лице Артура, притворяющегося, что он увлечен художественным романом, промелькнула улыбка. Торговец сукном успокаивающе похлопал соседа по руке.

– Ну-ну, уважаемый, простите, не знаю, как вас зовут. Леди действительно не должна выполнять чужие обязанности. А если бы она на этом поезде не ехала? Мы бы все равно застрелили в каждом сугробе.

Тому явно не терпелось поругаться, но он бросил взгляд на пальто Джеймса, оттопыривающееся в том месте, где пряталась кобура, и поджал губы.

– Безобразие! Вопиющее безобразие! – буркнул скандалист и демонстративно закрылся от нас раскрытой газетой.

В купе настала угнетающая тишина. В ней отчетливо слышалось, как перекрикиваются люди в соседних вагонах.

Я откинулась на спинку сиденья и сложила на груди руки, не столько из-за холода, сколько из-за раздражения. Пока поезд стоял, обсудить с Джеймсом происходящее было невозможно. Достаточно и того, что Артур невольно подслушал наши обсуждения фэйри. Этот молодой обходительный мужчина хотя бы помог, но от «газетчика» даже элементарной вежливости ждать не приходилось. Да и надолго ли хватит галантности торговца, тоже неизвестно.

Джеймс явно думал о том же самом. Он поймал мой взгляд, едва заметно кивнул в сторону двери, одними губами произнес: «Красный колпак», затем отрицательно покачал головой.

Смысл был понятен. Не исключено, что поискам волшебника среди пассажиров поспособствовал фэйри, подкинувший эту идею кондуктору, а может, и вовсе принявший его личину. Если мы с Джеймсом выйдем наружу, колпак мгновенно выяснит, в каком мы вагоне. С Книгой Мерлина можно будет попрощаться в тот же миг.

Но впереди еще холмистый участок дороги, где и без магических снежных бурь каждую зиму застревали поезда. Если фэйри где-то рядом, он и так успеет обойти все купе...

Я закрыла глаза и еще крепче сжала руки на груди, обнимая себя.

Только сейчас до меня дошло, что мы с Джеймсом загнали сами себя в ловушку – поезд, с которого не получится просто так сойти.

Глава 9. Джеймс

Поезд с грехом пополам ехал еще два часа. Хотя «ехал» – это громко сказано. Он гудел, пыжился, пыхтел, весь трясся, а потом вновь застревал. Я сомневался, что мы за это время продвинулись хотя бы на десяток миль.

Бет ворчала, что мне следовало ее послушаться и сойти в Йорке. Мы наверняка тут же попали бы во вражескую засаду, но по крайней мере не подвергли бы опасности жизни пассажиров.

Я же оставался тверд в своем мнении. Подруга поделилась со мной догадками о буре и о том, кто ее вызвал. Если все это было правдой, то размах поражал – накрыть снежным бураном всю Англию ради одной книги?

Если хранящиеся в ней секреты этого достойны, то труд Мерлина ни в коем случае не должен попасть в руки фэйри. Иначе угроза нависнет уже не над одним поездом, а над всей Британией.

Подумав об этом, я невольно усмехнулся.

Гляди-ка, еще утром раздумывал только о том, где добыть горсть лишних шиллингов, а теперь уже мню себя защитником всей страны. И от кого – от фэйри. Ну-ну. Скромность не твой недостаток, да, Джеймс?

Поезд опять, крикнув, замер. Это происходило так часто, что уже никто уже не отреагировал, лишь вздохнул джентльмен с газетой. Он еще час назад рассовал выпуски так, чтобы при очередном толчке ни один из них упал на пол, и после этого начал вести себя гораздо спокойнее.

Чего я не ожидал, так это того, что встанет Бет.

Она элегантно жестом расправила платье с накидкой и решительно произнесла:

– Я отправляюсь к голове поезда расчищать снег.

Я едва не закашлялся.

– Бет! Мы же только что сошлись на...

– Нет! – сверкнув жгучими глазами, она наклонилась ко мне и яростно зашептала: – Джеймс, мы здесь в ловушке. Раз уж мы решили ехать в поезде, то нужно приложить усилия к тому, чтобы он добрался до Эдинбурга.

– Если ты не ошиблась насчет фэйри, то мы, наоборот, здесь под защитой железа и моего револьвера, – возразил я.

– И кроме нас здесь еще триста-четыре ни в чем не повинных пассажиров. А если красные колпаки возьмутся за них? Фэйри совсем перестали притворяться, что покинули Британию! Кто-то наслал целую бурю. Думаешь, его остановит один поезд?

– Железный – остановит, – парировал я. – Если следовать твоим же собственным рассуждениям, то творцу бурана как раз не хочется, что его раскрыли раньше времени. Иначе он бы не отправлял в глухой нокдаун всех магов, кто о буране всего лишь задумается. Это значит, что ему сначала нужна книга, а потом уже он проявит себя во всей красе. До тех пор красный колпак будет действовать скрытно, и у нас есть время добраться до Эдинбурга и заручиться помощью других магов.

– Глухой нок... что? – растерялась Бет, явно незнакомая с боксерскими терминами, и тут же поморщилась. – Не важно. Твои выводы чисто умозрительны. Нет гарантии, что действительно произойдет именно так.

– А ты подвергаешь свою жизнь ненужному риску.

Нашу тихую перепалку прервал надсадно закашлявшийся торговец сукном.

– Извините, – громко сказал он, шмыгнув носом.

Джентльмен с газетой посмотрел на него, потом на нас.

– Не знаю, о чем вы спорите, но если леди Мэлтон собралась освобождать поезду путь, то нельзя ли побыстрее, пожалуйста? Мы околеем, если в ближайшие часы не попадем в Эдинбург.

Я промолчал.

Отсутствие еды и холод и правда были гигантской прорехой в моем плане. Причем холод следовало поставить на первое место. Мороз за окном усиливался, а купе согревалось лишь теплом наших собственных тел, которого хватало ненамного. Постоянные остановки ситуацию не улучшали. Из наших ртов уже то и дело вырывались облачка пара.

Мои колебания прервал стук в дверь. Опасаясь появления незваных гостей, я ее закрыл изнутри с согласия всех остальных соседей, недовольных тем, что кондуктор то и дело вламывается в купе и выгоняет и без того жалкие крохи тепла. Судя по недовольному голосу снаружи, кондуктор опять от нас чего-то хотел.

– Уважаемые пассажиры!..

– Мы слушаем, – крикнул я, отвечая за всех. – Говорите снаружи, пожалуйста. Вы все равно уже на морозе, а мы нет.

Завывания ветра и толстая стальная перегородка спасли меня от раздраженного вздоха и скрежета зубов, но я руку бы дал на отсечение, что они прозвучали.

– Поезд встал окончательно. Дальше пути нет, одни заносы. Мы отправили человека в ближайшую деревню за санями, чтобы перевезти туда всех пассажиров. К сожалению, наше путешествие оканчивается здесь, господа. Если среди вас есть старики, дети или женщины, то я могу отвести их в купе первого класса с магическим отоплением до прибытия повозок.

Бет уже встрепелась, но я ее остановил, удержав за руку.

– Откуда вы знаете, что впереди заносы? – спросил я кондуктора.

– С одной из следующих станций нам навстречу выслали служащего с предупреждением. У них нет свободных магов, чтобы нам помочь, поэтому нам не советовали пробиваться к ним.

Я взглянул на Бет, выразительно подняв бровь.

Существовал ли в действительности какой-то посланник или это был морок, созданный, чтобы выманить нас наружу? Нападение фэйри проще устроить где-то посреди леса, чем на железнодорожной станции.

Подруга закатила глаза. К счастью, она всегда отличалась достаточным умом, чтобы увидеть возможные риски какого-либо поступка. К сожалению, она была слишком упрямой, чтобы эти риски признать. Особенно когда дело касалось ее собственных поступков.

– Если там настоящие сугробы, то я их размету, – тоном, не подразумевающим споров, сказала Бет. – А если иллюзии, то развею. Мы рядом с каналом магии, сил хватит.

– Насколько – на полчаса? – съязвил я. – До Эдинбурга еще часа три полным ходом. Ты, как и Донал, упадешь в обморок, не довезя нас до конца, чего враги и добиваются.

Она прелестно надула губки. Вернее, это казалось бы мне прелестным, если бы ее гнев не был направлен на меня.

– И что ты предлагаешь? Сложить руки и ничего не делать?

– Вот еще, – фыркнул я, затянул потуже шейный платок, поднялся с сиденья, достал револьвер и повернул замок на двери. – Я разберусь с этим посланником сам и выясню, от кого он на самом деле прибыл.

Глава 10. Элизабет

Джеймс выскочил наружу так поспешно, будто нарочно убегал из купе, чтобы я не успела с ним поспорить. Фэйри забирай этого упрянца!

Осознав, как только что мысленно выругалась, я прикусила язык. Лишь бы вслух это не сказать! А то действительно еще Джеймс сгинет, пытаюсь противостоять тому уродцу в красном капюшоне.

Сердце мгновенно сжалось от неизъяснимой тревоги. Друг и так рискует, а я еще желаю ему всяких гадостей, пусть и мысленно.

Нет. Бросать его одного я не буду. Ни за что. Пусть это ему заказали поиски книги, но подбросили-то ее мне. Мы с Джеймсом связаны, хотим того или нет.

Труд Мерлина нельзя было оставлять в вагоне без присмотра, поэтому я торопливо сунула его под меховую накидку, в пришитый изнутри потайной карман. Он вообще-то не был рассчитан на целые книги, поэтому в первый миг ткань жалобно крикнула, но во второй томик спокойно вошел туда, почти не ощущаясь под слоем меха.

Я даже испугалась, что это какой-то подвох, и ощупала книгу пальцами. Определенно, она находилась в кармане.

Хм. Магия, но использовала ее не я. Наверное, это чары фэйри, лежащие на самой книге. Было бы логично, что Мерлин, если этот трактат и правда написал он, защитил свое единственное наследие не только заклинанием сокрытия.

Впрочем, думать об этом сейчас было не время. Просто порадовавшись, что спрятать книгу оказалось настолько легко, я выскочила следом за Джеймсом из поезда.

И тут же пожалела о своем решении.

Ветер выл на все лады лютой волчьей стаей и сбивал с ног. Снег мгновенно залеплял лицо, колол тысячей игл, пытаюсь пробраться сквозь одежду к телу. Я сразу потеряла равновесие, едва опустила ногу в сугроб, и судорожно повисла на дверной ручке.

Боже! Как что-то делать в этом хаосе?

Повсюду раздавались голоса, мелькали фигуры. Кондуктор и его подчиненные помогали пассажирам перебраться в более теплые вагоны. Джеймс отошел не так далеко, но метель уже почти скрыла его силуэт. Я наконец вернула равновесие, захлопнула дверь купе, подхватила юбки и кинулась за другом.

– Джеймс! Подожди!

Он услышал и повернулся ко мне.

– Бет? – голос из-за ветра прозвучал глухо. – Какого черта? Возвращайся в купе!

Я упрямо ускорила шаг, чувствуя, как глубоко в снег проваливаются сапожки и как намокают чулки.

– Ты не маг! А что если посланник со станции – фэйри? Как ты его прогонишь?

Он продемонстрировал мне револьвер.

– Сталь, Бет. Старая добрая сталь. Фэйри боятся не только чистого железа, но и любых сплавов, где оно есть. А если там тот самый красный колпак, который пытался тебя обокрасть, то «Миротворец» уже отлично показал себя против него.

– А если там обычный человек?!

– То револьвер против него мне и не понадобится.

– Я все равно с тобой, – уперлась я. – Вдруг без меня ты не справишься? Иметь мага под рукой лучше, чем не иметь.

Джеймс вздохнул.

– Книгу надежно спрятали?

– Надежнее некуда!

– Идем. Только не отставай, – насмешливо бросил он мне вполоборота, уже развернувшись и продолжая путь к голове поезда.

Я мгновенно вскипела так, что стало удивительно, почему снег вокруг не растаял в ту же секунду.

Мы с Джеймсом в детстве считали друг друга закадычными друзьями, но еще он был тем единственным человеком, который всего одной фразой умел вывести меня из себя. За годы разлуки я успела забыть об этом. Вот сейчас он что, издевается? Конечно издевается! Как с моей юбкой угнаться за его длинными ногами по таким сугробам?

Если этот плут рассчитывал, что я безнадежно отстану и либо опоздаю к его разговору с посланником, либо вернусь в купе, то он здорово ошибался. Меня называли в честь королевы Елизаветы – одной из величайших женщин в истории Британии, а она никогда не сдавалась. Похоже, Джеймс об этом тоже запомнил.

Проще всего было использовать магию и растопить снег впереди, но я решила, что это лишь скорее привлечет к нам внимание красного колпака, поэтому еще выше задрала юбку и принялась старательно перебирать ногами.

Больше ни один мужчина не оставит меня позади.

Но Джеймсу это и не понадобилось. Я остановилась сама, когда керосиновая лампа высветила высокую фигуру стоящего прямо на путях перед поездом мужчины.

Лампу спереди на локомотиве, наверное, поставил кто-то из служащих поезда. Может, чтобы посланец со станции не чувствовал себя одиноко в темноте, а может, она действовала как некий сигнал. Синий огонек дрожал, панически метался из стороны в сторону, будто пытался сбежать из прочной стеклянной «клетки», лишь бы не находиться рядом с этим человеком.

И я его понимала. Даже стоявший к нам спиной, он внушал ужас.

Я не смогла бы в точности сказать, что с ним не так. Он был одет в черное, свободный плащ цвета непроглядной ночи маскировал его очертания, но не мог скрыть, что мужчина высок и крепок. И все же пугала не его физическая сила. Незнакомца окружала невидимая, неосознаваемая аура, от которой кровь стыла в жилах сильнее, чем от пытавшейся сбить с ног метели.

По его спине внезапно прошла слабая рябь. Я бы не заметила ее, если бы заранее не подготовилась высматривать что-то подобное. Мужчина только что или снял с себя иллюзию, или, наоборот, наложил ее.

Отпали последние сомнения в том, что перед нами настоящий посланник со станции. Вряд ли тот вообще когда-либо существовал. Это же был не человек или, по крайней мере, не вполне человек.

Он медленно повернулся к нам.

Я вздрогнула, подавив непроизвольное желание спрятаться Джеймсу за спину.

Вместо лица под низко надвинутым капюшоном находился сгусток тьмы. О том, что это существо имеет хотя бы отдаленное родство с людьми, напоминали лишь горящие красными углями глаза. Большинство христиан во всем мире не задумываясь сказали бы, что перед ними стоит демон, порождение ада. Я же знала, что это не так.

Когда-то это существо было человеком, но давно потеряло право так называться.

– Надо же, вы сами ко мне пришли, даже возиться не пришлось, – насмешливо произнесло оно. Голос звучал так искаженно, словно доносился до нас из колодца.

Револьвер издал щелчок. Дуло направилось на чужака.

– Спасибо, что сэкономил нам время на выяснения, – спокойно, будто видел нелюдей каждый божий день, ответил Джеймс. – А теперь проваливай.

Угли-глаза посмотрели на «Миротворца». Чудовище не шелохнулось.

– Меня не испугать ни железом, ни этими смешными человеческими пукалками. Правда ведь, милая? Объясни-ка своему товарищу, что я такое.

«Он меня знает», – бухнула в голове набатом мысль.

Он не называл моего имени, но откуда-то ему было точно известно, что я разбираюсь в фэйри. Кто его подослал? Неужели Дуэйн? Мало было мужу меня опозорить на всю страну ни за что, так еще и свору монстров на меня наслал? И это он так со мной расплатился за годы тяжелой работы на него и его род?!

Я выдохнула. Дуэйна здесь нет, зато есть огнеглазая тварь. Сначала разберемся с ней, потом уже с бывшим мужем.

– Ты не фэйри. Ты слуа – человеческая душа настолько грязная и омерзительная, что ее отказались принимать даже в аду. Воинство слуа подчиняется королеве Маб, хозяйке Неблагого двора, играя роль ее личной гвардии. Ты здесь от ее имени?

Чудовище неожиданно расхохоталось. Его смех походил на отдаленные раскаты грома.

– Маб – трусиха, сбежавшая в Тир-на-Ног от железа и крестов и предоставившая человеческий род самому себе. Знала ли ты, что слуа не могут войти в благословенную землю вечной юности, поскольку мы мертвы? Теперь мы служим Никневин, Матери Зимы – силе, гораздо более древней и опасной, чем Маб с ее детскими придворными интригами против Благого двора.

Я невольно нахмурилась.

Никневин? Никогда не слышала ни об одном фэйри, которого бы так звали.

– Отдай книгу, Бет, – продолжал слуа. – Тогда никто в этом поезде не пострадает.

– У меня встречное предложение. Как насчет того, чтобы ты провалил к чертям, пока я не наштиговал тебя пулями? – поинтересовался у него Джеймс, не убирая «Миротворца». – Попроси в аду получше, может, они приставят тебя вертела с грешниками переворачивать, раз ты такой неумный.

Глаза-угли полыхнули. Вполне буквально.

Сглотнув неожиданно вставший в горле комок, я положила другу ладонь на плечо.

– Не надо. На слуа это не подействует. Он уже мертв, его не убить, сколько пуль ни всади. Побереги патроны.

Джеймс повернул голову ко мне, стараясь не спускать взгляда с противника, и едва слышно прошипел:

– Ну и как тогда с ним бороться, расскажи, пожалуйста?

Я уже вовсю напрягала память. Слуа, как и красные колпаки, относились к самым ужасным подданным Неблагого двора. Поскольку они не были фэйри от рождения, а рай и ад их отвергли, то они не боялись ни железа, ни христианских символов. Колдовскими умениями как таковыми они не обладали, полагаясь лишь на собственные силу и бессмертие, что, впрочем, уже само по себе немало. Примкнув к королеве Маб, они получали ее благословение — способность превращаться в тени и управлять призрачными лошадьми и гончими Дикой охоты.

Раньше я даже не пыталась представлять себе, как выглядят слуа. Этот явился перед нами в своем теневом облики. Должно быть, внешность ему, чтобы он мог представиться посланником со станции, замаскировал кто-то другой. Либо тот красный колпак, который на нас уже напал, либо...

Либо врагов больше, чем двое. И тогда поезд в самом деле в опасности.

– Слуа бояться солнечного света, – тихо ответила я Джеймсу. – Он разгоняет тени, лишает слуа их маскировки и открывает им глаза на собственное уродство. Они не выносят этого.

– Но не умирают?

Чудовище опять расхохоталось. Похоже, невзирая на вой метели, оно прекрасно слышало весь наш разговор.

– Невозможно убить того, кто уже мертв. Да, правда, солнечный свет способен нам помешать, но сколько вы будете дожидаться утра? Наступит ли оно при такой погоде?

Тварь махнула рукой на небо. Я стиснула зубы.

Магическая буря не ослабнет еще долго. При такой мощи бурана весь следующий день будет сумеречным. На яркий свет солнца и надеяться нет смысла.

– Вам со мной не потягаться, – подытожил слуга. – Я либо заберу книгу с девчонкой, либо сдохнут в мучениях все пассажиры.

– Ты не можешь... – попытался возразить Джеймс, но тот его перебил:

– Могу. Под моим началом Дикая охота – все воинство мертвецов. Мы окружили поезд. Вам от нас никуда не деться.

На его словах ветер завыл особенно громко, и я вдруг различила за ним вполне настоящий, а не метафорический собачий вой. Ему жуткой какофонией аккомпанировали ржание лошадей и лязг старинного оружия.

Еще никто и никогда не сбегал от Дикой охоты.

С другой стороны, это значило, что первому достанется вся слава.

Я судорожно вцепилась Джеймсу в локоть и сделала шаг назад от присыпанных снегом путей.

– Пожалуйста, – прошептала я, – если я сейчас потеряю сознание, не дай мне упасть и донеси до купе, хорошо?

У него глаза полезли на лоб. Вряд ли бедняга что-то понял в моем нонсенсе.

Увы, сформулировать его яснее я не могла.

– Пусть поезд магией зарядится и ветром сквозь стужу мчится! – беззвучно, одними губами выдохнула я и, зачерпнув колдовскую энергию из канала, направила всю мощь в локомотив.

Я выбросила весь свой резерв, до самого дна, до последней крохи. И даже больше, учитывая, что я следом пропустила через себя чистую, необузданную силу из канала. Это не могло пройти для меня бесследно. Я словно выплеснула саму себя. В глазах потемнело, в груди ухнуло, ноги подогнулись.

Молодые, неопытные маги иногда так погибали. Бурление дыхания фэйри в крови давало обманчивое впечатление собственного всемогущества, и юные ученики в порыве самоуверенности тратили столько, что их тело потом не могло от этого оправиться. В лучшем случае они теряли разум или становились калекami, но я не видела в этом большой разницы со смертью.

Наверное, если бы не присутствие рядом магического канала, я бы ни за что не решилась на заклинание, которое должно было сдвинуть целый поезд. Я прекрасно понимала, что делаю, и пропустила через себя ровно столько дыхания фэйри, сколько мог выдержать мой организм, но ощущение все равно было таким, словно меня ударили под дых.

Если бы не Джеймс, который, слава Богу, ко мне прислушался, я бы рухнула в сугроб и вряд ли смогла быстро подняться. Но он подхватил меня, удерживая в крепких объятиях и прижимая к себе.

В следующий миг наконец случилось то, ради чего все и задумывалось.

Керосиновая лампа, стоящая на локомотиве, покачнувшись, съехала с края ровной поверхности, рухнула в снег и погасла. Взгляд слуга метнулся к ней, отвлекшись от нас.

Вот только и мой спаситель замер в растерянности со мной на руках.

– Джеймс, – просипела я. – В купе!

Поезд вздрагивал все сильнее. Если о первом толчке свидетельствовала только скатившаяся лампа, то второй отозвался скрежетом металла где-то в вагонах, а третий – гулом во всем составе.

После четвертого он сорвался с места и со скоростью перепуганного зайца погнал вперед.

Глаза-угли широко распахнулись, но было уже поздно. Слуга стоял чересчур близко к локомотиву, и тот снес темную фигуру, погребая ее под собой. Лишь откуда-то уже из-под поезда донесся сдавленный мужской крик.

А мимо нас пролетал локомотив. Кабина машиниста была раскрыта и... пустовала.

– Куда?! – заорал перепачканный в угле бородатый мужчина, который кинулся к кабине. Даже мне с пляшущими в глазах пятнами было очевидно, что он не успеет туда заскочить, так как находится слишком далеко.

– Джеймс!!! – взвизгнула я.

Поезд двигался слишком стремительно. Кажется, я перегнула палку, но тогда не получилось бы и застать врасплох слугу. Увы, теперь, опустошенная, я никак не могла повлиять на его скорость. А если мы застрянем здесь, посреди леса, то в моем трюке не будет никакого смысла. Я потратила силы совершенно зря.

– Держись! – рявкнул Джеймс.

Он подкинул меня вверх, забрасывая на плечо, и рванул к паровозу.

– Готовься! Цепляйся!

Мир еще раз взлетел и резко качнулся. Шляпку сорвало ветром, и мазнувшая по лицу вуаль заставила меня зажмуриться, так что я понятия не имела, за что мне цепляться, но покорно начала размахивать руками.

И... кажется, зря.

Внезапную, тошнотворную слабость после заклинания я назвала ударом под дых. Что ж, меня туда никогда не били, поэтому я имела право на ошибку. Настоящий удар настиг меня только сейчас. Вот теперь я полностью прочувствовала, что такое лишиться дыхания от физического удара. Бок, плечо, локоть вспыхнули болью. Я вскрикнула и инстинктивно подтянула ноги.

Очень вовремя, потому что в следующий миг туда, где они должны были находиться, прыгнул Джеймс в ореоле снежинок. Он вновь высунулся из вагона, подтянул распахнутую дверь купе и захлопнул, словно отрезая нас от внешнего мира.

Яростно мигающий свет настенной газовой лампы стал ровнее. Пляска в моих глазах прекратилась, и я наконец осмотрелась.

Мы находились в купе первого класса. Судя по пустующим полкам и чистоте, оно оставалось свободным с самого Лондона. Наверное, сюда кондуктор и намеревался переместить самых нуждающихся пассажиров из других классов.

Я села на полу, потирая ноющий бок. В голове после мощного заклинания и падения царил такая каша, что думать о том, в каком состоянии моя прическа и насколько вообще плох мой внешний вид, не хотелось абсолютно.

Хотя, пожалуй, даже если я и захотела бы о чем-то подумать, ни единой здоровой мысли в тот момент в голове не родилось бы.

Поезд все ускорялся. Джеймс обогнул меня и выглянул в окно.

– Бет, – через несколько мгновений сказал он. – Мы едем.

– Ага, – тупо согласилась я.

– Бет... Но мы оставили машиниста позади. И кондуктора тоже. И некоторых пассажиров.

– Ага.

Друг устало шлепнулся на мягкое сиденье.

– Бет, – в третий раз назвал он меня по имени. Кажется, ему тоже было не очень хорошо.

– Мы угнали поезд.

Я уставилась на него. Содеянное медленно доходило до моего разума.

– Ох... – выдохнула я и впервые за долгие годы грязно-прегрязно выбранилась.

Глава 11. Элизабет

Мы молчали минут пять, глядя то на проносящиеся за окном в темноте деревья, то друг на друга.

Я поднялась с пола и устроилась на диванчике напротив Джеймса. Волосы разметались по плечам, платье промокло от снега и тянуло вниз. Я понимала, что выгляжу ужасно, но сделать с этим пока ничего не могла. Благодаря широкому магическому каналу, из которого я потихоньку черпала энергию, силы возвращались, но не слишком быстро. Пока что я была не в силах избавиться хотя бы от боли в ушибах и от наверняка набухающих под одеждой кровоподтеков, куда уж там до внешней красоты.

Джеймс пришел в себя первым.

– Книгу не потеряла?

– Нет, здесь она, – успокоила я, похлопав себя по накидке.

– Ты убила его?

Пояснять, о ком этот вопрос, не потребовалось. Я отрицательно покачала головой, морщась и чувствуя, как каждой движением отдается эхом в теле.

– Думаю, слуха сказал чистую правду – убить мертвеца невозможно. По крайней мере, я ни о чем таком никогда не слышала. Люди после встречи с Дикой охотой выживали только благодаря случайности – если по какому-то стечению обстоятельств призрачные гончие их не замечали, увлекшись другой добычей. Может, фэйри Благословенного двора и знают какие-то способы – это же им приходилось регулярно сражаться с гвардией Маб. Но где сейчас взять хоть одного благодушно настроенного к людям фэйри?

Джеймс задумался. Я уже решила, что он всерьез размышляет о поисках доброй феи-крестной, как друг спросил:

– Тебе этот слух не показался каким-то знакомым?

– Шутить? – поразила я. – Никогда раньше не водила дружбы с мертвыми преступниками.

– Понимаю, но... Не могу это объяснить. Откуда, к примеру, он знал твоё имя?

Я пожала плечами.

– Дуэйн назвал?

– Сомневаюсь, что эти ребята связаны с Дуэйном. Если он работает с ними, то почему бы не передать артефакт прямо им в руки? Подкидывать его сначала тебе – чересчур сложная схема, в которой слишком многое может пойти не так. И, собственно говоря, пошло.

– Ты намекаешь, что мой муж ни при чем? – начала раздражаться я.

– Нет, пытаюсь разобраться в странном ощущении, что откуда-то мы с этим жутким парнем знакомы, – вывернулся Джеймс и перевел тему: – Ты слышала, что он сказал о своей новой хозяйке? Похоже, большинство фэйри не обманули королеву Елизавету и действительно покинули Британию, но кто-то остался и решил занять вакантное место правителей волшебного народа. Кто такая эта Никневин?

– Не знаю.

– Не знаешь? – изумленно повторил он. – А мне казалось, тебе известно о фэйри все и немного больше. Может, спросить у Артура?

Я одарила его мрачным взглядом.

– Он, конечно, одаренный молодой человек, но, во-первых, он мог остаться снаружи, а во-вторых, даже если нет, то как ты к нему попадешь? В бурю по крышам вагонов будешь прыгать, только чтобы посоветоваться с новым другом?

– Не злись, – примирительно произнес Джеймс. – Я же тебя не упрекаю. Уже и забыл, какая ты обидчивая.

Еще лучше! Я ограничилась тем, что сердито сверкнула на него глазами. На ссоры уходило слишком много сил.

– Никневин – это редкое, но совсем не уникальное для Шотландии женское имя, – довольно резким тоном объяснила я. – Королевский совет отслеживает династии магов, и если кто-то хочет получить официальный документ о том, что он волшебник, то мы проверяем его родословную. Мне приходилось заниматься бумагами, и в архивах не раз встречались разные Никневин – и простые деревенские ведьмы, и выпускницы школы Морганы. Но даже будь хоть кто-то из них еще жив в наше время, вряд ли слуга стал бы им служить. Все эти женщины были обычными людьми. Тот же, кто наслал бурю, превосходит могуществом не только людей, но и большинство фэйри. Короче говоря, я понятия не имею, кто из волшебных существ может скрываться под этим именем.

– Ладно, ладно, не дуйся, – повторил он, как будто недостаточно меня разозлил. – Значит, нам неизвестно, кто наш враг, но очевидно, что этой загадочной магической личности Книга Мерлина нужна не для того, чтобы подороже ее продать. Если Никневин уже сейчас способна наколдовать шторм, который почти парализовал половину Британии, то артефакт к ней попасть не должен. Согласна?

– Да.

Джеймс с облегчением выдохнул.

– Хотя в чем-то мы солидарны. Тогда перейдем к следующему вопросу. Как долго еще будет ехать поезд?

Я поерзала.

– Бет? – напряженно произнес он, пытаясь поймать мой взгляд. – Мне напомнить, что мы едем без машиниста? Мне вообще сложно представить, за счет чего состав сейчас движется. Раз ты его запустила, то ты можешь его и остановить, верно?

– Э-э... – выдавила я.

– Что-то мне не нравится это «э-э». Оно звучит точно так же, как в тот раз, когда ты убедила меня полдня тащиться до старой мельницы, чтобы выманить якобы обитающего там брауни молоком, и когда мы уже дошли, выяснилось, что молоко ты не взяла.

– Хватит уже пытаться меня подколоть! – огрызнулась я. – Если бы я не сделала хоть что-нибудь там, на путях, слуга бы нас убил. Что ему мешало забрать книгу, а потом все равно со всеми расправиться? Если Дикая охота напала на чей-то след, она уже не отступит, по крайней мере пока над землей не поднимется солнце, а у нас еще вся ночь впереди. Действовать нужно было срочно, и уж прости, что не обдумывала в течение пары часов каждое слово в заклинании.

Моя отповедь не произвела на Джеймса никакого впечатления. Светло-карие, орехового оттенка глаза продолжали спокойно смотреть на меня.

– Я не принижаю твои достижения, Бет, и, наоборот, благодарен за гениальную идею сбить бессмертного врага поездом и выиграть нам время. Но должен напомнить: состав движется без топлива и никем не управляется. Если он через минуту остановится, потому что чары истают, то мы всего лишь отсрочили свою смерть. Дикая охота ездит на призрачных лошадях, которые умеют скакать даже по воздуху. Любые преграды для них ничто. Слуга вмиг нагонит поезд и тогда уже точно книгу заберет с наших мертвых тел. Я помню, что нрав у тебя горячий, но давай постараемся сохранить разум холодным и подумаем, как спастись. Уверен, тебе точно так же, как и мне, хочется пережить эту ночь.

Я потеряла лицо, пытаясь утихомирить бушующие внутри эмоции.

– Хорошо, ты прав. Если честно, я тебе завидую. Столько невероятных новостей всего за каких-то несколько часов: наша встреча, Книга Мерлина, возвращение фэйри в Британию,

попытки нас убить... Мне уже начинает казаться, что я сошла с ума. А ты невозмутимее, чем потомственный английский лорд, пьющий чай у себя в гостиной. Как у тебя это получается?

Он пожал плечами.

– Мне приходилось работать на Диком Западе. Если один раз доведется уносить ноги от толпы полуголых размалеванных индейцев на лошадях, одновременно уворачиваясь от их томагавков, то потом уже мало что в жизни настолько же впечатляет.

– Но индейцы не бессмертны.

– Сами они считают иначе, иначе я не могу объяснить, почему они постоянно идут с голой грудью против наших ружей. Хотя какое там идут... Радостно бегут с дикими воплями. Одни падают, а их место тут же занимают другие, еще более безумные. Это страшное зрелище, Бет. Надеюсь, ты его никогда не увидишь.

Мне и в самом деле что-то не очень хотелось.

– Ладно, – я попыталась сосредоточиться. – Какой у нас план?

– Если у тебя получится довести поезд до Эдинбурга, это будет идеально. Вряд ли Дикая охота осмелится проскакать через город, если они не рискнули даже показаться перед пассажирами. А у нас появится время прочитать книгу и решить, как с ней поступить.

Я кивнула. План меня устраивал.

Правда, существовала небольшая проблемка.

– До Эдинбурга еще часа три, а после Йорка поезд застревал едва ли не через каждые десять минут. Я приказала ему нестись ветром, зарядившись магией, так что, вероятно, он сейчас движется благодаря моему заклинанию и энергии магического канала. Но если состав опять завязнет в заносах, мне придется их разгрести. Снова чарами, разумеется. Ты видел, чем это чревато. Я не уверена, что смогу долго поддерживать движение поезда, поэтому если у тебя есть запасной план, поделись им со мной. А если нет, то самое время его придумать.

Только что Джеймсу не нравилось, какие звуки я издаю. А мне теперь категорически не нравилось проскочившее у него на лице выражение.

– Как придумаю, сразу поделюсь.

– Фэйри тебя заб... – начала бормотать я и осеклась.

Так, нет. Пора вообще убирать из своего лексикона слово «фэйри». Раньше люди верили, что произнести его – накликать беду, поэтому и появилось столько эвфемизмов: волшебный народец, люди холмов, добрые соседи, господа в зеленом... Это мы, недавние поколения, ослабились, забыв о могуществе наших соседей. Пора брать пример с предков.

Поезд вдруг мягко трянуло. Он продолжил путь, однако мы с Джеймсом нервно взгляделись в темноту снаружи.

– Твое заклинание ослабевает? – осведомился он.

– Сейчас проверю.

Я вновь сделала «окошко» из пальцев и внимательно осмотрелась.

С последнего раза картина изменилась кардинально. Тогда магический шторм с разноцветными сполохами бушевал только в небесах. Теперь же «северные сияния» переливались прямо вокруг меня, вихрясь в невероятных водоворотах.

Я невольно зауважала саму себя. В детстве я показывала достаточно посредственные результаты как волшебница. В Лондоне, на пересечении каналов, мои силы значительно выросли, и стало ясно, что если бы меня вовремя отправили в школу Морганы Ле Фэй, то я вполне смогла бы потягаться со слабейшими членами Королевского совета. Но увы-увы, годы, которые можно было бы потратить на совершенствование навыков, оказались потеряны безвозвратно.

Сегодня же я превзошла сама себя, особенно если учесть, что создала заклинание в порыве, толком не обдумав, а уж его словесная форма заставила бы схватиться за голову и необразованных деревенских ведьм. Сияние окутывало весь поезд, насколько получалось судить, выглянув из окна. Магия вместо угля заставляла колеса крутиться, а поршни – стучать.

Пожалуй, в Королевском совете мне бы аплодировали стоя.

Волшебного заряда должно было хватить еще надолго, ведь поезд впитал в себя энергию целого канала. Значит, толчок вызвали сугробы. Хотя я и «заменила» топливо, но, как и опасалась, на снежные заносы это повлиять не могло.

Вот-вот паровоз встанет. А мы недалеко ушли от Дикой охоты.

В памяти всплыли сцены из сна, который приснился в пути из Лондона до Йорка. Там меня по полям и холмам заснеженной Шотландии преследовала как раз Дикая охота. Сон-то вышел вещим...

Ну, почти. Мне ужасно не хотелось, чтобы сбывалась та часть, где мне приходится убегать по сугробам от призрачного воинства.

Я опустила руки и принялась обдумывать новое заклинание, которое уберет с пути паровоза снег. Какую форму оно должно принять – гигантской метлы? Боже, ну и чушь. Но мне же нужно сочинить приличное сравнение для стиха! Без него лучше не пытаться обойтись, а то вообще неизвестно что получится.

Я перебрала образы зонтика, всадника на белом коне, который будет скакать по воздуху впереди поезда, и даже лопаты, в итоге все отбросив. Ладно, возьмемся пока за что-то другое.

В голову пришла запоздалая мысль, что мы вскоре минует другие города и станции, на которых должны были остановиться. В поезде остались пассажиры, они ничего не знают о Дикой охоте и находятся в полной растерянности. Наверное, стоило бы дать возможность им сойти с поезда. Но как я буду его тормозить, а потом разгонять обратно? И как объясниться перед всеми?

Если мы будем проезжать поселения, не окажется ли впереди других паровозов? С какой скоростью сейчас едет состав – не врежется ли он в кого-нибудь или что-нибудь? А если пути разветвляются, какое из направлений выберут чары? Я же не упоминала в заклинании Эдинбург, просто сказала нестись поезду сквозь снег.

Между прочим, у работников железной дороги есть своя система сигналов. Если нам и посылают какие-то из них, то принимать их некому. Я так и вовсе не представляю себе, как они выглядят. Флажки? Гудки? Мигание фонарей? Последний раз на поезде я ехала пять лет назад, когда выходила замуж за Дуэйна, и тогда не обращала внимания на такие мелочи. Конечно же, в замужестве мне тоже оказалось не до них.

Фэй... Господи! У меня закружилась голова, и на сей раз не от слабости, вызванной опустошением колдовского резерва. Может, предыдущее заклинание получилось так хорошо, потому что я не думала вообще ни о чем, кроме как о спасении от слуа?

Новые чары, призванные расчистить дорогу перед поездом, должны быть гораздо более простыми – это тебе не целым поездом управлять, а всего лишь сметать снег. Однако я терялась, за что хвататься в первую очередь и как учесть тысячу нюансов, которые возникали по ходу дела.

В Лондоне у меня в запасе имелись целые дни, а иногда и недели, чтобы заранее выяснить все детали и дотошно обдумать каждое заклинание. Так работали почти все волшебники, особенно выпускники магических школ. Только деревенские ведьмы позволяли себе «экспромтные» чары, но их круг задач ограничивался больными коровами, поносом у пастухов да ноющими суставами. Если и напортачишь, то мирового катаклизма точно не случится.

У меня же в этот момент было... Сколько? Минута, две? А что если, например, сугробы окажутся высотой в пару метров? Это не редкость для возвышенности, которую мы вскоре будем пересекать...

Где-то сзади раздался гулкий удар о металл, словно бы что-то тяжелое швырнули в стену вагона. Я отвлеклась от размышлений о заклинании и уставилась в ту сторону.

Это могло ничего не значить – мало ли какой чемодан рухнул с полки.

А могло значить и очень многое.

Джеймс распахнул окно, высунулся из него и выругался. Я поежилась – не столько от хлынувшего в купе холода, сколько от дурного предчувствия.

– Что случилось?

– Да ничего особенного. Можешь не выглядывать. Просто я вдруг подумал, что слегка поторопился с заключениями по поводу толпы индейцев.

– Боже, Джеймс, у тебя в роду точно не было английских аристократов? – простила я. – Иногда ты изъясняешься хуже, чем Дуэйн на заседаниях совета!

– Что? Я всего лишь имел в виду, что, когда тебя преследует толпа живых мертвецов на призрачных лошадях, это тоже достаточно неприятно.

Но я уже и сама кинулась к окну.

Поезд гнал на максимальной скорости, и ветер со снегом больно хлестнул по лицу, но я не отвернулась. Лампы почти во всех купе горели, и синеватый свет газовых светильников придавал открывшейся картине еще больше жути.

За нами гнался целый отряд конных всадников. Некоторые больше походили на мелькающие тени – черные как ночь кони, черные одежды, низко надвинутые капюшоны, которые волшебным образом не слетали, и под ними вместо лиц густая тьма. Однако некоторые...

Я сразу поняла, что друг имел в виду.

Некоторые решили, что скрываться им ни к чему. Их лошади были белыми, а под шкурой виднелись проступающие кости. Животные резво перебирали ногами, но казалось, что им это ни к чему – они мчались по воздуху и насквозь пролетали через кусты, высокие сугробы, придорожные столбы и другие препятствия.

Всадники внушали еще больше ужаса, чем их звери. Они носили древние доспехи, уже превратившиеся в лохмотья. Викинги, когда-то завоевавшие Англию, древние саксы, воины в полных латах поздних веков – здесь собрались все самые отчаянные преступники, кто когда-либо населял Британию. Их лица ярко выделялись в темноте светлыми пятнами пергаментной кожи, которая туго обтягивала черепа. У многих отсутствовали носы, болтались челюсти с выбитыми зубами, страшно зияли пустые глазницы. Лишь единицы до сих пор сохранили человеческий вид.

Впереди скакала черная лошадь без всадника. Не успела я ничему обрадоваться, как перевела взгляд на сам поезд.

Причина недавнего грохота сразу стала ясна. На крыше вагона медленно распрямлялся великан с горящими углем глазами. Его черная накидка развевалась на ветру вороновыми крыльями, но слуга стоял прямо и ровно, словно бешеная скорость и тряска паровоза были ему нипочем.

– М-м-мамочки! – охнула я и отпрянула от окна.

– Я же сказал, что можешь не выглядывать, – заметил Джеймс. – И даже предупредил о мертвецах.

Я не стала ему отвечать, потому что в этот миг поезд опять вздрогнул и еще немного замедлился. Пока он справлялся с заносами, но это явно ненадолго.

Леди сейчас бы упала в обморок, потому что подобные испытания не для ее утонченной натуры. Но леди не смогла бы спасти поезд с его пассажирами от Дикой охоты. Может, и к лучшему, что я потеряла этот высокий статус?

Закливание больше не могло ждать.

Я вновь придвинулась к окну, чтобы сконцентрировать поток силы. Но едва в него высунулась, как Джеймс дернул меня обратно, и я с тихим вскриком чуть не растянулась на бархатном сиденье.

В стену вагона воткнулась бронзовая стрела. Ее наконечник торчал из обшивки всего в дюйме от того места, где только что находилось мое лицо. Я с ужасом уставилась на поблескивающий металл.

Соберись, Бет!

– Прикроешь меня? – спросила я Джеймса.

– С удовольствием, – ответил он, доставая револьвер. – Но, если пули действительно не ранят слуг, тебе лучше надолго снаружи не задерживаться. Боюсь, от меня толку будет немного.

Однако мертвое воинство, похоже, догадалось, какой у меня план. В дверь купе с оглушительным грохотом вонзились один за других несколько крюков. Снаружи раздалась громкая команда «Тяни!», и дверь с режущим уши скрежетом слетела с петель.

В купе теперь зияла огромная дыра. Через нее было видно темную полосу леса, через которую мы проезжали, и догоняющих поезд мертвых всадников.

Из других вагонов раздавались людские крики. Боже, пожалуйста, только бы никого не ранило и пассажиры орали просто от страха!

– Бет, это наш шанс! Быстрее! – приказал Джеймс.

Вырванная дверь заставила нескольких слуг с той стороны паровоза замедлиться, и они отстали. Я скорее вцепилась в край дыры и вытянула руку по направлению движения поезда.

– Снежные заносы...

Металл под моими руками внезапно вспыхнул яркими пламенем, заставив меня вскрикнуть и прервать заклинание. Я едва не сбежала обратно в купе, лишь в последний момент сообразив, что огонь не обжигает.

Стиснув зубы, я сунула ладонь глубже в танцующие рыжие язычки. Да, совершенно верно. Пламя было иллюзорным.

– Бет! Ты не обожглась? – крикнул сзади Джеймс.

Яростный ветер мгновенно уносил слова вдаль. Друг тоже высунулся в окно, прицелился и выстрелил в мертвеца, который подъехал слишком близко. Я вздрогнула от звука выстрела, но слуга сразу отстал. То ли друг удачно попал ему в какое-то важное место, то ли он впервые испытывал попадание из огнестрельного оружия и растерялся.

– Не обращай внимания на огонь! – ответила я. – Нас пытаются сбить с толку.

И надо признать, получалось у них это неплохо. Трудно сосредоточиться на сложных чарах, когда торчишь из дыры в объятom пламенем поезде, преследуемая оравой разозленных мертвецов на летающих лошадях. Только крыльев им и не хватает.

Внезапно в голове сами собой сложились строчки. Я вытянула руку, направляя вперед магическую энергию канала.

– Всадник крылатый, пред поездом мчи, снег весь с пути его ты убери!

И вновь мощный поток прошел через меня, опустошая и разрушая, словно огромная приливная волна, которая обрушивается на морской берег и сносит на нем все, что ей подвернется. Я судорожно вдохнула, чувствуя, как захлебываюсь, хотя нахожусь на суше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.